Альбус Поттер и Серебряный дракон

Лера Любченко

SHOUT
SHARE
IT

- Альбус Поттер и
  -
  - Пролог
  - Глава 1
    - Снова в Хогвартс
  - Глава 2
    -
    - Гриффиндор за столом Слизерина
  - Глава 3.
    - Новая тайна визжащей хижины
  -
    -
    - Вернулись!
  - Глава 4
    - Когда взрослые врут
  - Глава 6
    - Ангус показывает когти
  - Глава 7
    - Злой профессор
  - Глава 8
    -
    - Простые истины
  - Глава 9
    - Новые факты старого дела
  - Глава 10
    - Теории и догадки
  - Глава 11
    -
    - Пробуждение Дракона
  - Глава 12
    -
    - То, что всегда с тобой
  - Эпилог

Альбус Поттер и Серебряный дракон

Серия «Альбус Поттер»

2011

В серию входят:

«Альбус Поттер и Тайна Слизерина»
«Альбус Поттер и Серебряный дракон»
«Альбус Поттер и Зеркало Истины»

Все права на героев книги принадлежат J.K.Rowling.
Все права на данный текст принадлежат Любченко Л.
Автор выражает искреннюю благодарность авторам рисунков, размещенных в тексте.

Публикация: только с разрешения автора. Отзывы и предложения направляйте lisichkalera@bk.ru
Возрастные ограничения: PG-13

Любченко Л.
Альбус Поттер и Серебряный дракон.
Вторая книга серии «Альбус Поттер».

История искренней и непростой дружбы, небольшое путешествие в военное прошлое, где остались молодость и надежда многих из поколения великого Гарри Поттера.

Главный аврор Британии охотится за так называемыми "Серебряными драконами" - группой сумасшедших, возомнивших себя последователями старинного рода Драконов. Все бы ничего, да вот только обосновались они в Запретном лесу, очень близко от Хогвартса... И, конечно, Альбус Северус Поттер, как всегда, оказывается в эпицентре главных событий, а Скорпиусу Малфою еще не раз придется вытаскивать неугомонного друга из неприятностей.

Пролог

Наступала тихая августовская ночь. В воздухе отчетливо пахло осенью. Пожелтевшие листья лениво кружились, ведомые легким, пока еще мягким, ветром. Здесь, на границе Запретного леса, возле заново восстановленной избушки лесника, стоял мужчина в алой аврорской мантии и задумчиво смотрел куда-то в глубину чащи, где причудливые сумеречные тени загадочно сплетались, не оставляя возможности увидеть, что прячется за ними в сумраке леса. Многие бы удивились, увидев здесь, на окраине Хогвартса, Главного аврора Британии. Но Гарри Поттеру с некоторых пор стало наплевать на чужое мнение. Он привык, что любой его поступок на виду, что каждая победа или поражение становятся достоянием общественности. Он привык и даже не заметил, когда мнение большинства перестало его интересовать. Этой встречи он ждал давно. Год? Да, наверное, прошел целый год. Теперь надо просто подняться по скрипучим ступеням и постучаться в разбухшую деревянную дверь. Аврор докурил сигарету, уничтожил окурок, чуть слышно шепнув заклятие, поморщился – проклятая магловская привычка привязалась еще с седьмого курса, повторного седьмого курса, поднялся по лестнице и постучал. В дверном проеме, с полосой уютного желтого света, возникла огромная фигура Хагрида. Лесник постарел, роскошная шевелюра и борода полувеликана поседела, но он оставался все тем же Хагридом, открывшим маленькому Гарри Поттеру мир магии и волшебства (да, конечно. А еще — мир войны, где, как оказалось, маленькому волшебнику была уже уготована вполне определенная роль). — Гарри! – пробасил лесник, и аврору показалось, что его голос стал еще ниже и еще громче. Ответа на приветствие не требовалось — Хагрид сжал своего гостя в медвежьих объятиях. — Раздавишь… – прохрипел Герой Третьей Магической, не переставая улыбаться. Все-таки он скучал. А если учесть, что за последнее время они общались совсем не часто, то надо сказать, что он просто чертовски рад встрече. Жаль только, что встреча эта, хоть и дружеская, но определенно по делу. На просто дружеские визиты у Главного Аврора банально не хватало времени. Хагрид засуетился, раскладывая печенье в тарелочки, варенье в кувшинчики и одновременно пытаясь пододвинуть тяжелый деревянный стул к столу в центре комнатки. Гарри улыбнулся – здесь все было очень знакомо и привычно. — Дай помогу, — аврор ловко подтащил стул и уселся на него, наблюдая за огромным Хагридом с полуулыбкой. Когда суета улеглась, и

великан пристроился напротив, шумно отхлебывая горячий чай из огромной чашки, Гарри спросил, подперев подбородок рукой: — Это правда? Хагрид вздохнул и, помрачнев, отставил чашку в сторону. Бросил на гостя неодобрительный взгляд, явно сердясь на него за то, что испортил все чаепитие. — Гарри… Ты и здесь…. на работе. — Я всегда на работе, Хагрид, — пожал плечами аврор, — всем от меня чего-то надо. Еще с 11 лет. — Да-да… конечно. Да, Гарри, правда. Секта или как там их назвать-то по правильному? Сообщество…. И вправду есть. Только далеко они забрались, вот что я тебе скажу. Далеко…. И чары. Там везде маскирующие чары. Но кому какое дело до полубезумного старика-лесничего? — Кто они? – резко спросил аврор, и глаза его недобро блеснули из-под стекол неизменных очков. — Они называют себя Серебряными Драконами…

Глава 1

— Отдайте мне Гарри Поттера и останетесь живы…. Я даю вам чассс…. – голос обволакивает, он обманчиво мягок, тягуч. Сколько раз я уже слышал этот голос, обращенный к себе? Сколько раз я трепетал и ненавидел его, сколько раз я готов был преклоняться перед ним? А теперь он требует Гарри Поттера. Ну, конечно, всем и всегда во все времена нужен Золотой, мать его, мальчик!… Из моих легких вырывается кашель, я сплевываю горькую черную слюну на пол. «Где твои манеры?» — слышится мне как наяву. А нет уже ничего. Все пошло крахом, когда наш отважный гриффиндорец протянул мне руку в Выручай-комнате. И не просто протянул, а вернулся, когда она выскользнула. И снова вернулся. Для того, чтобы я мог вот так стоять и плеваться сажей, вытирая опухшие и покрасневшие от едкого дыма глаза, в которых не осталось слез.

Снова в Хогвартс

— Все в сборе? – добродушно вопрошает отец семейства и мягко привлекает к себе маленькую рыжеволосую девочку с красивыми светло-карими глазами. Отцовская рука гладит ее прямые, тяжелые волосы, убранные сегодня в красивую тугую косу. Он знает, как она волнуется и хочет поддержать дочь. — Да, сэр Главный! – с верхнего этажа раздается топот ног, и с лестницы кубарем скатывается гордость Гриффиндора – четверокурсник Джеймс Поттер. Так получилось, что ему исполнилось одиннадцать в конце августа, и он сразу отправился в Хогвартс, в то время как Альбусу исполнилось десять в декабре того же года, и он смог поступить в школу чародейства и волшебства только через год. — Где Ал? – спрашивает Гарри, с любовью и снисхождением глядя на старшего сына, залихватски закинувшего красно-золотой галстук на левое плечо. Джеймс морщится, выхватывает из вазы на столике яблоко и, вгрызаясь зубами в румяный бок, неразборчиво произносит: — Опять там пишет. — Альбус! – громко зовет отец, — хватит уже, — говорит он тише, когда на лестнице появляется возможный виновник их опоздания на Хогвартс-экспресс, — ты же все лето ему писал. А я что-то не наблюдал здесь малфоевских филинов, — неодобрительно покачал головой Гарри. — Ха! Ты не прав, пап! – говорит Джеймс, с хрустом откусывая яблоко с другой стороны, — они были. Филины. Целых два раза. И оба раза письма были весьма содержательны: «Может быть и так» и «А вот здесь ты, похоже, не прав». Вот. — Ты читал мои письма? – ревет Альбус и резким движением выбил яблоко из рук брата. В полной тишине оно прокатилось по сверкающему чистотой полу и скрылось из виду под любимым диваном Альбуса. — А что же ты про третье письмо молчишь, Джимми? – раздается мягкий, переливистый голосок Лили Поттер. Джеймс хмурится и бросает через плечо: — Мы идем или как? — А что там, в письме? – интересуется глава семейства и тянет дочь за руку к выходу. — Да ничего особенного. Что-то типа «Джеймс Поттер – пещерный тролль. Неотесанный и тупоголовый» — Лили хихикает, а Альбус приобнимает сестренку за плечи: — Ты тоже читала, Лили? Нехорошо это – читать чужие письма. — Нехорошо, – эхом повторяет Гарри, — очень нехорошо, Альбус, — и пристально смотрит на сына. Тот съеживается и догоняет брата с криком: — Джим! Ну, постой же! Да ладно тебе, хорошо дуться! Гарри торопливо и воровато оглядывается на свой дом: в окне второго этажа, сгорбившись, застыла фигурка жены, закутанная в теплый

шерстяной платок. В глазах противно щиплет, хочется сморгнуть. И еще раз. И еще. Джинни провожает их пристальным взглядом. Гарри спешит уйти от этих глаз, не в силах преодолеть абсолютно неоправданное чувство вины, застрявшее в горле тугим комком. И он уходит, больше не оглянувшись. Джинни больна. А он ничего не может сделать. * * *

В купе Хогвартс-экспресса было душно. Джеймс сразу потянулся к окну, сдвигая с места тяжелую деревянную раму. Альбус, нахохлившись, устроился в углу, вытянув длинные ноги под стол. Он так и не смог разглядеть в пестрой толпе студентов и провожающих светлую макушку. На душе стало тревожно. Хьюго Уизли и Лили, которые первый раз ехали в Хогвартс в этом году, старательно делали вид, что им все привычно, и совсем не волнуются по поводу распределения. "Глупые," – подумал Альбус, - надо наслаждаться каждым мгновением новизны и не бояться своих детских восторгов. Это пройдет. Детство пройдет. Может, в 12 говорить об этом нет смысла, но Альбус чувствовал, что детство проходит. Скользит мимо, словно золотистый осенний пейзаж за окном Хогвартс-экспресса. А еще ему было тревожно. Малфой не появился в поезде. Потому что если бы появился, то нашел бы его. И пусть он написал ему всего три раза в ответ, наверное, на тридцать три письма, пусть эти ответы были весьма краткими. Все равно Альбус Поттер знал, что Скорпиус тоже ждет встречи. Он в это верил, а значит, по-другому и быть не может. — Ал… — он почувствовал робкое прикосновение теплой ладошки к своей руке и открыл глаза. — Что? – откликнулся он, лениво потягиваясь. Вместо ответа Лили потянулась к его уху: — Мне страшно… — доверительно прошептала она брату чуть слышно и хитро взглянула в сторону Хьюго, который изо всех сил делал вид, что ничего особенного не происходит, но восторг, искренний восторг проскальзывал в ярких синих глазах, и широкое веснушчатое лицо выражало нетерпение. Альбус хмыкнул и прижал сестренку к себе. В первый раз он чувствовал себя старше. В первый раз не он искал защиты, а у него. Лили сказала это не Джеймсу, а ему. Скорее всего, побоялась насмешек старшего брата. Альбус невесомо скользнул губами по рыжей макушке – он видел, так делала мама, когда хотела успокоить кого-то из них, и прошептал в ответ: — Не бойся. Если попадешь на Слизерин, то у тебя буду я, а если на Гриффиндор – то там все наши. — А если ни туда, ни туда? – необыкновенного медового оттенка яркие, глаза, широко распахнулись в ожидании ответа. — Значит, найдешь новых друзей. – твердо ответил Альбус. — Хватит шушукаться, — недовольно проговорил Джеймс. Ему хотелось к друзьям. Ричи Томас и Тоби Стоун, конечно, в поезде, а он

должен сопровождать младших братьев и сестер, будто нянька какая-то! Альбус неодобрительно взглянул на брата – как можно быть таким… грубым – и прошептал Лили: — Тебя никто не обидит. Я не позволю. Лили весело и задорно рассмеялась. Разве она боится, что ее кто-то обидит? Разве маленький и смешной Альбус может быть ей защитником? Если бы она боялась обид, то, конечно бы, подошла к Джеймсу. Крепкий и спортивный Джеймс внушал больше доверия в этом плане, но, если дело касалось эмоций, - лучше к Альбусу. Лили знала об этом, как никто другой, и вовсю пользовалась братьями и их настроением. Маленькая любимица своей семьи. Она и сейчас боялась так, для порядка, а на самом деле ей было очень весело и приятно рядом с братом, который такой серьезный и уже готов ее защищать. На перроне студентов ждал Хагрид. Альбус знал лесничего и удивился в прошлом году, что его не было. Но отец объяснил, что Хагрид следит за поголовьем каких-то редких волшебных существ в глубине Запретного леса и поэтому вынужден на год оставить школу. — Хагрид! – замахала Роза рукой и кинулась к полувеликану, повиснув у него на шее. — Мои же дорогие… — приговаривал Хагрид, пытаясь одновременно обхватить их всех: рыжих и черноволосого Поттеров и Уизли. Альбусу стало невероятно спокойно, как всегда, как в детстве, когда они иногда приезжали к нему погостить. — Вас ждут повозки... – проговорил Хагрид, с нежностью рассматривая из-под лохматых бровей детей героев, - а мне это... первокурсников. — Мы, мы первокурсники! – завизжала Лили и утянула за собой Хьюго, покрасневшего, как большой и спелый помидор. Альбус подхватил поклажу, кивнул сестре и двоюродному брату и направился к повозкам неподалеку. Посмотрел, как Джеймс заспешил к друзьям, улыбнулся всем знакомым, но садиться не спешил. Он рассматривал повозки, впряженные в пустоту с нарастающим интересом. Фестралы. Существа, которых могут видеть только те, кто уже знает, что такое смерть. Его отец видел их с пятого курса, его отец уже тогда знал, что такое смерть. Альбус подошел к никем не занятой повозке и протянул руку в пустоту. Он вздрогнул, когда ему показалось, что нечто коснулось его пальцев. Быть может мягкий язык животного? Или шелковистое ухо? Хорошо, что он их не видит, но все-таки немного жаль, ведь так хочется посмотреть, какие они. Но с этим лучше повременить. Поттер заметил, что остался один, все старшекурсники уже тронулись с места. Внезапно раздался резкий хлопок аппарации, и посреди опустевшей дороги возникли две подтянутые фигуры. Альбус улыбнулся и, как ни в чем ни бывало, приветливо махнул рукой. Платиновые волосы, почти одинаковые прически,

идеально ровные спины – семейство Малфоев в своем репертуаре. Альбус подумал, что только сейчас понимает, как же ему не хватало этого надменного взгляда. «О, похоже, ты, парень, скучал по Слизерину…» - подколол Альбус сам себя. Малфои неторопливо подошли к нему. — Если бы я не знал тебя, Альбус Северус, то я бы решил, что ты здесь дожидаешься меня… — степенно сказал Малфой-младший. — Добрый вечер, — поздоровался Альбус и поежился – стал накрапывать дождь. — Добрый, мистер Поттер, — сухо кивнул Малфой-старший и произнес: — Я, пожалуй, вас оставлю. Скорпиус. – он кивнул сыну, — мистер Поттер. И исчез, аппарировав по своим, видимо, неотложным делам. — Скорпи! – улыбнулся Альбус и протянул руку. Малфой-младший помедлил, внимательно и холодно изучил собеседника с ног до головы, и вдруг губы растянулись в теплой улыбке, и он протянул в ответ свою – как всегда холодную, а теперь и мокрую от дождя, ладонь. И Альбус решил, что теперь-то можно смело поздравить себя с успешным началом нового учебного года. Всю дорогу до Хогвартса Скорпиус просидел молча, смотря в сторону и изредка поглядывая на болтливого приятеля. Альбус рассказывал, как они летом ездили к морю, как играли в квиддич во дворе своего старого дома, как гостили у Рона и Гермионы Уизли, как смеялись и подтрунивали над Хьюго, который боялся залезть на метлу. Глаза Альбуса горели, он рассказывал быстро, взахлеб, словно торопясь поделиться эмоциями, боясь, что там, в Хогвартсе, это все уже будет неважно. Когда, наконец, словесный поток иссяк, и Альбус остановился перевести дух, Скорпиус пристально посмотрел на него, вздохнул и выдал насмешливо тягуче: — О— о-очень интересно… — Но ведь интересно же! – усмехнулся Альбус и попытался приподнять одну бровь, копируя Скорпиуса. Скорпиус чуть улыбнулся самым краешком губ и по-малфоевски лихо вздернул бровь, словно показывая, что у него это получается гораздо лучше. Альбус сосредоточился и попытался повторить. Скорпиус, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу смех, приподнял другую, еще и изогнув при этом, словно спрашивая что-то. Альбус фыркнул и, уже не сдерживаясь, громко рассмеялся. Малфой не выдержал и рассмеялся в ответ, запрокинув белобрысую голову, так что было видно только тонкую шею и вздрагивающий острый подбородок. Отсмеявшись, мальчишки заметили, что уже прибыли. Хогвартс, древний и величественный, непоколебимый, как само время, ждал. — Быстрей! – крикнул Альбус, вытаскивая свою сумку с вещами из повозки, — еще чуть-чуть и опоздаем! — Малфои не опаздывают, — высокомерно проговорил Скорпиус и, оглянувшись вокруг,

быстро прошептал заклинание левитации. — Эй! Это нарушение правил! – возмутился Поттер-младший. — В смысле? – и глазом не моргнув, спросил Малфой. — Ты, ну, ты же колдовал?... — Тебе показалось, — Скорпиус победно улыбнулся, продемонстрировав ровные, белые зубы. — Ах, показалось… — прорычал Альбус и, выхватив палочку, быстро сказал: — Фините инкантатем!

За спиной Скорпиуса раздался грохот – приподнятые магией пожитки рухнули на землю. Альбус обошел Малфоя, заглянул ему за спину и задумчиво почесал переносицу: — Ты… это... извини. Жаль, что нельзя колдовать пока, да? — Точно, — мрачно проговорил Скорпиус, и ногой захлопнув раскрытый чемодан, схватился за ручку и побрел в сторону замка, даже не оглянувшись, чтобы выяснить идет ли настырный Поттер за ним. Зачем? Он и так знал, что идет. В Большом зале было шумно. Малфой и Поттер прибыли как раз вовремя к церемонии распределения. Альбус с нетерпением ждал, когда же придет очередь Лили. Наконец, фамилия Героя вновь прозвучала в этих стенах. Лили побежала к скамеечке: на вид и не скажешь, что волнуется; но Альбус хорошо знал, каково это - сидеть там, под прицелом сотен любопытных глаз, и ждать вердикт старой шляпы. Впрочем, Лили никто долго не мучил, и ожидаемое: — Гриффиндор! – эхом прокатилось по залу. Альбус вздохнул и постарался улыбнуться. Он так надеялся, что Лили попадет на Слизерин, и тогда он не будет единственным слизеринцем в своей семье. Надежды не сбылись, и Лили, и Хьюго оказались на Гриффиндоре, что, конечно, являлось скорее правилом, чем исключением. Как только суета улеглась, первокурсники заняли свои столы, Макгонагалл обратилась к студентам с традиционной приветственной речью, суть которой сводилась к тому, что она очень рада видеть здесь всех студентов. — Вы знаете, что преподаватель По ЗОТС уехал к себе на родину, и теперь этот пост займет новый учитель. Прошу вас поприветствовать: Аберфорт Дамблдор! Зал разразился громкими аплодисментами, когда с места поднялся величественный старик с длинной седой бородой. — Спасибо, – прервал он поток рукоплесканий одним властным жестом руки, — я проясню ситуацию. Я занимаю этот пост временно и очень надеюсь, что в скором времени у вас будет нормальный учитель, – после чего он сел, мрачно сдвинув лохматые седые брови. По залу пробежался тревожный шепоток, новый преподаватель ЗОТС был более чем странен, хоть и имел знаменитое на весь волшебный мир имя. Альбус Поттер подумал, что напишет отцу сегодня же, как только окажется в своей спальне в подземельях, и попросит прояснить ситуацию с новым

профессором. Уж про Дамблдора Гарри Поттер должен знать. ** * Гарри Поттер проводил колдомедика из спальни на втором этаже, и в гостиной, чуть покосившись наверх и убедившись, что дверь комнаты плотно прикрыта, тихо, но требовательно спросил: — Что это? — Определенно проклятье, мистер Поттер. Очень древнее и очень сильное. — Что будет дальше? – спросил он, зеленые глаза за стеклами очков лихорадочно блестели, по бледным щекам и шее расползались красные пятна. Он знал ответ. Он боялся ответа. — Магия уходит. Жизнь уходит, мистер Поттер. Мне жаль. – тихо ответил колдомедик, задумчиво пожевав нижнюю губу. — Что. Я. Могу. Сделать. – спросил аврор, сжав кулаки. Он уже спрашивал. — Мне жаль, мистер Поттер, – еще раз проговорил колдомедик, — проклятье может снять только наложивший его. Я не знаю, кому вы так наступили на хвост. Ищите. И возможно вы успеете. Удачи. — Ты… — прошипел Поттер, впечатывая мужчину в стену одним резким движением, — спаси ее!... Я... все сделаю... только спаси! — Отпустите... – дернулся медик, — отпустите, — проговорил он, потирая шею, — я все понимаю. Но ничего не могу сделать. Но… вы знаете, я слышал... где-то… Драконы… род драконов… это вполне в их власти - наложить такое проклятье. — Драконы… – прошептал Поттер и вдруг кинулся к камину, даже не удосужившись открыть колдомедику дверь. — Вот тебе и спасибо, — промямлил тот и, собрав со стола оставленные галлеоны, вышел, аккуратно прикрыв за собой входную дверь. Этот визит отнял у него много душевных сил. Так всегда бывает, когда приходишь в дом, где смерть уже заявляет свои права.

Как правильно? (не обязательно) 125648

Глава 2

Он стоит, наклонившись над раковиной, его плечи трясутся от всхлипов, худая спина напряглась, под белой взмокшей рубашкой выступают острые позвонки. Их можно посчитать. И я считаю… один, два, три… Что я чувствую? Мне его жалко? Нет… с чего бы? Я точно знаю, что это он отдал проклятое ожерелье Кэти Белл, замышляет что-то в Выручай-комнате. Поэтому это не жалость, точно. Но почему же так щемит в груди, когда я стою здесь сейчас и считаю эти болезненно выпирающие позвонки?.. Мерлин… Он же просто запутался! Будь оно все проклято, он же запутался, как муха в паучьих сетях… Комплекс героя – мне снова надо всех спасать… Мокрая белая челка откинута с потного лба. Он видит мое отражение в зеркале. Серые глаза, прозрачные от слез, широко распахнуты, одна секунда – и он оборачивается… Губы шевелятся, будто он хочет что-то произнести, но не в силах выдавить и слова. Я опережаю: — Я знаю, это ты. Это ты ее проклял, Малфой! – на самом деле я хочу сказать совсем другое, что-то, что имеет значение, но произношу именно эти пустые слова. Слезы злые и отчаянные текут по щекам – он растерял весь свой аристократический лоск. «Никогда не загоняйте зверя в угол», — вспоминаются слова из какой-то книжки, что я в детстве

читал под одеялом с фонариком. Но разве он – зверь? Звереныш… Маленький и очень кусачий. Первый “ступефай”, слетевший с его палочки, разбивает стену за моей спиной. Инстинкты, отточенные квиддичными тренировками, меня не подводят – я успеваю отскочить. Бешеный адреналин растекается по венам, ярость и азарт ударяют в голову. Пуляю чем-то в ответ, не особо задумываясь, что это будет. Минус одна раковина в несчастном туалете. Наклоняюсь, выискивая ноги в изящных дорогих туфлях. Снова мимо. Ярость. Звереныш уползает от меня… Поймать! Достать! «…от врагов», — проносится в голове, и с губ срывается: — Сектумсемпра! Тишина. Лишь тонкое поскуливание за углом – так может хныкать зверек, попавший в сеть, так может скулить потерявшийся щенок. Иду тихо, с опаской. Вдруг уловка? Кровь. Она повсюду. Бурые полосы на белой рубашке навсегда врезаются в память. Белые волосы слиплись от пота и воды, голова запрокинута, бледные тонкие черты лица исказились от боли. Кажется, это и правда больно. Черт… я же не знал… прости… прости… не так… чертова война.. и здесь… ненавижу…. Кажется, он сдерживается, чтобы не кричать. Но лучше бы кричал, нет сил слышать этот тонкий тихий скулеж. Больше нет ярости. Ничего нет. Пустота.

Гриффиндор за столом Слизерина

Альбус проснулся рано. Соседи еще спали. Откинув полог, он задумчиво оглядел комнату, которая за прошедший год стала ему почти домом, и решил, что было бы неплохо встать первым и получить свободный доступ в ванную. Он потянулся и подумал, что отсутствие окон в Слизерине – это минус, но в целом подземелья больше не приводили его в угнетенное состояние, как год назад. Он чувствовал, что становится их частью, что он – слизеринец. Выйдя из ванной, Поттер сразу же встретился с внимательным и цепким взглядом Чарли Нотта. Тот смотрел спокойно, изучающе, словно оценивая. — Доброе утро, — буркнул Альбус, подумав, что эти колючие глаза – последнее, что он бы хотел видеть добрым утром. — Не уверен, — бросил тот в ответ, словно признавая первенство за Поттером. Альбус остро ощутил свое превосходство. Уже в открытую нагло усмехаясь, он подошел к съежившемуся Нотту и проговорил, глядя прямо в глаза: — Если ты, Нотт, еще когда-нибудь решишь, что я… — То что? – угрожающе прошипел Чарли. Что именно он сделает с однокурсником, Альбус пока не решил, поэтому продолжал стоять и смотреть на него в упор. Игру в гляделки прервал хриплый со сна голос Скорпиуса: — Что, опять наш герой нарывается? — Я не нарываюсь, — явно обрадованный законным поводом отвести взгляд, Поттер повернулся в сторону малфоевской кровати. — Прекратили оба! – рявкнул Забини. — Хватит того, что в прошлом году с нас сняли полторы сотни баллов за драку. — Да… – зевнул Малфой и лениво протянул. — И Слизерин съехал на третье место из-за нас. А еще учтите, что на наш курс обозлились все слизеринцы. И это просто счастье, что нет семикурсников, которым мы испортили окончание года. Так что давайте, делаем вид долгой и вечной дружбы и вываливаемся на завтрак. Вместе. — Гойла сначала подними. Вместе… — фыркнул Нотт. — Да без проблем, — в тон ему ответил Скорпиус. Аккуратно обойдя Альбуса, так и стоявшего посреди комнаты, он активировал будящие чары над кроватью Винсента, так как тот уже успел проснуться, блокировать чары и снова завалиться спать. Полог заходил ходуном, и вскоре на свет предстало круглое, заспанное лицо Гойла-младшего с красным следом от подушки через всю щеку. — Подъем, – напряженно проговорил Нотт, — мы идем есть. Все, — он выразительно покосился на Альбуса. При слове «есть» Гойл встрепенулся и пробурчал: — Я сейчас, — после чего полез под кровать собирать те предметы гардероба, которые не были разбросаны вокруг кровати и на

стуле. Альбус хмыкнул и весело посмотрел на Малфоя: — Что, у нас тут теперь крепкая дружба намечается? — Не ехидничай, Поттер, — отмахнулся Скорпиус и с мрачным выражением лица поплелся в ванную. — А чего это ты не в духе? – спросил Альбус, бесцеремонно заваливаясь следом за ним. — Поттер… — обреченно выдохнул Скорпиус. Ну, как объяснить неугомонному, что нельзя нарушать личное пространство человека, тем более утром. Но так как во рту была зубная щетка, все, что Малфой смог сделать, чтобы это пространство отвоевать – это попытаться вытолкнуть настырного Поттера свободной рукой. Поттер не выталкивался. Категорически. — Нет, ну ты скажи, Скорп, что ты заладил «Поттер», «Поттер»… как будто мы поругались. А я не помню, чтобы мы ругались. Я что-то пропустил? Понаблюдав пару секунд за зелеными глазами, полными праведного гнева, Скорпиус напрягся и, применив вторую руку, освободил помещение, резко закрыв дверь. — Скорп, — поскребся тихонько. Забини весело хихикнул, наблюдая Поттера под дверью ванной. — Заткнись, – мигом переключился тот. — Не указывай, Поттер, – Забини подошел вплотную и смерил Альбуса презрительным взглядом. — Вот-вот, — поддакнул Нотт, явно обрадованный поддержкой. — Да ну вас всех! Надоели со своими закидонами! – в сердцах проговорил Альбус и, вдарив кулаком по двери со всей силы, рявкнул: — Я ушел, Малфой. Завтракать, – потом развернулся и подошел к входной двери. Однокурсники молча наблюдали за ним, не скрывая настороженного любопытства. На пороге Альбус обернулся и громко сказал: — И разговаривать с тобой я не буду. Учти, — после чего гордо расправил плечи и вышел из спальни. Что же случилось? Малфой вчера улыбался и вроде совершенно искренне, а сегодня так странно ведет себя. Альбус почувствовал, что совсем отвык от этой манеры поведения своего странного друга. В Большом зале его сразу же сбил с ног маленький ураганчик – Лили Поттер. — Ал! – закричала она и радостно повисла у брата на шее, как будто они не виделись еще вчера. Джеймс окинул их хмурым, ничего не выражающим взглядом и уселся за свой стол. — Привет! – радостно откликнулся Альбус, понимая, что от утреннего неудовольствия не остается и следа. — У тебя все нормально? – поинтересовался он. — Ага, — беззаботно кивнула Лили, — все очень здорово! Мне нравится гриффиндорская башня. А ты знаешь, что там есть уголок, посвященный папе, дяде Рону и тете Гермионе? Представляешь? Что-то типа некоторых вещей и фотографий… Это очень интересно! — Нет… — тихо ответил Альбус, — не знаю… Глупо обижаться задним числом. Но почему-то никто не рассказывал. Ни Роза, ни Джеймс. Для них он был слизеринцем –

человеком, которому не рассказывают такие тайны о своем факультете. В груди противно защемило, ведь он не просто слизеринец – он сын Гарри Поттера, он тоже может посмотреть. Наверное. Но, черт, как же хорошо, что есть Лили, как же плохо, что скоро и она поймет, что Гриффиндор и Слизерин – не те факультеты, которые могут запросто общаться между собой… — Садись со мной! – требовательно надула губки сестренка. — Не могу, Лил, извини,– тихо ответил Альбус, косясь на Джеймса. Лицо того расплывалось в победной улыбке. Альбус может сколько угодно демонстрировать свои братские чувства, но Джеймс все равно всегда будет ближе Лили, и она очень скоро это поймет. — Доброе утро, Джим, – кивнул он брату. — Доброе утро, – поприветствовал весь гриффиндорский стол. Слизеринцы уже были в зале. Второкурсники, как и планировали, зашли вместе. Скорпиус не улыбался, но и недовольным не выглядел. «Сплошное притворство! Даже противно!» — подумалось Альбусу. Альбус продолжал столбом стоять посреди зала, наблюдая за степенными слизеренцами. Малфой, пройдя мимо Поттера, устроился с краю стола и громко сказал: — Тебе особое приглашение надо, Поттер? Многие в зале засмеялись, настолько обескураженным выглядел сейчас Поттер-младший. Альбус почувствовал, как злость расползается внутри него темным нехорошим пятном, заполняя каждую клеточку тела. Он ничего не понимал. Он отвык от Слизерина. Да… пожалуй. А Слизерин успел подзабыть, кто такой Альбус Северус Поттер. Ну, ничего. Он напомнит. Развязной походкой подойдя к слизеринскому столу, Альбус смерил Скорпиуса оценивающим взглядом и громко произнес: — Ну, конечно, МНЕ надо ОСОБОЕ приглашение, Малфой. Очень мило с твоей стороны его предоставить. Смех умолк в одну секунду. Все наблюдали, как голубые холодные глаза выдерживают острый взгляд пронзительных зеленых. Никто не отводит взгляд, не хочет демонстрировать слабость. Внезапно между мальчишками протиснулась тоненькая фигурка в темной мантии с красным отворотом. Лили бесцеремонно села прямо между Скорпиусом и Альбусом, усадив второго ловким и требовательным движением рядом с собой. — Я сама к тебе пришла, – сообщает она, деловито накладывая еду на тарелку брату. Скорпиус приподнимает обе брови в немом удивлении. Переглядывается с Альбусом – тот пожимает плечами и выглядит весьма растерянно. Слизеринский стол молча и напряженно изучает маленькую гриффиндорку на своей территории. — Ты не заблудилась, малявка? – угрожающе приподнимается Нотт со своего места. Альбус краснеет и хочет сказать что-то очень резкое, как его прерывает Скорпиус: — Не

заблудилась, Нотт. Альбус бросает на него быстрый взгляд и по привычке прикусывает губу, что выражает сильное волнение. — Много на себя берешь, Малфой, – Бенджамин Угхарт, шестикурсник. Староста факультета. — Не больше, чем могу осилить, — скалится Скорпиус. Больше никто не решается ничего сказать – на них и так смотрит весь преподавательский стол. — А ты — Скорпиус, да? – спрашивает Лили, мимоходом поправляя Альбусу воротник рубашки. — Точно, — произносит Скорпиус, и Альбус видит, что его губы чуть дернулись, но он так и не улыбнулся. — А я — Лили. Лили Поттер. — Я понял. — А Ал тебе все лето писал. Я знаю, – доверительно шепчет она, наклонившись к самому уху Малфоя. Скорпиус дергается, чувствуя теплое дыхание на своем ухе и аромат каких-то цветов. — Пойдем, – твердо произносит Альбус, вставая из-за стола и понимая, что еще секунда – и болтушка Лили начнет еще что-нибудь рассказывать. — И правда пора, — говорит Скорпиус. Его глаза улыбаются. — Поттер… — бросает вслед Угхарт. — Объясни своей сестре, что у каждого факультета свой стол. Лили оборачивается и смеривает здоровенного шестикурсника оценивающим взглядом. — Странный ты, — говорит она. — Это же не твой личный стол… — и убегает, дернув Альбуса за серебристо-зеленый галстук и сделав шутливый книксен в сторону Малфоя. У дверей ее перехватывает Роза, возле которой переминается с ноги на ногу Хьюго, и начинает что-то быстро объяснять девочке. Альбус смотрит на Скорпиуса и недовольно бурчит: — И что это было? — Твоя сестра, по-видимому, — равнодушно пожимает плечами Малфой и вдруг начинает смеяться. Альбус не выдерживается и улыбается в ответ. — Вспомнил, — проговаривает Скорпиус, отсмеявшись, — лица слизеринцев, когда твоя Лили бухнулась прямо за наш стол…. — Ага, — фыркает Альбус, — да, она такая у нас. Всегда делает то, что хочется. — Только пусть она это часто не делает, а то я устану отбивать Поттеров от разгневанных вторжением Гриффиндора слизеринцев… Альбус чуть толкает друга в плечо и, чувствуя, что уже совершенно на него не обижается за странное поведение, ворчит: — Пошли уже… Транфигурация же… Макгонагалл нас трансфигурирует сейчас во что-нибудь. За опоздание. — Точно. А потом растрансфигурирует и еще раз затрансфигурирует, — закончил Скорпиус, даже не споткнувшись ни на одном из слов. — Рас… чего-чего… растранфи… — Ой, забудь... – машет рукой Малфой и, приняв привычное, спокойно-отрешенное выражение лица, делает шаг в класс. А Альбус Поттер понимает, что либо надо принимать Скорпиуса таким, какой он есть, либо просто не общаться с ним вообще. Но не общаться он уже не сможет. Он

чувствует силу в Малфое и уже испытывает потребность постоянно сталкиваться с этой силой, проверяя себя на прочность. * * * Гарри Поттер внимательно изучил листки отчетов, лежащие перед ним. Все официальные сводки сводились к тому, что никаких доказательств существования секты серебряных драконов нет. Да, такой род существовал. Древний, чистокровный род. По преданиям и легендам, они могли обращаться в драконов, практически же никто и никогда не видел серебряных драконов вживую. Чарли Уизли на запрос из аврората прислал длинное и подробное письмо, из которого следовало сделать вывод, что серебряные драконы не существуют как вид. Но историки волшебного мира заявляли, что они существуют как магический род. А значит, надо искать. Гермиона Уизли, аналитик, их светлая голова, прошла в кабинет главного аврора и бесцеремонно села прямо на мягкий диван в углу кабинета. Никто, кроме самого аврора, там не сидел, и тот позволял это себе только в течение особо тяжелого рабочего дня. — Фу, туфли… достали… — невнятно пробормотала она, скидывая красивые туфли на высоких каблуках и забираясь на диван с ногами. — Что? – устало спросил Главный аврор. — А что я просто так зайти не могу? – ворчливо откликнулась аналитик. — Ты? Не можешь… — Не могу, – подтвердила она, вздохнув. — Гарри… Я, кажется, нашла… Я теперь знаю, что планируют драконы. — Угу. Драконы, которых нет. Министерство не дает разрешение на их поиски. Я должен сидеть здесь и маяться дурью, занимаясь мелочами, с которыми справится любой стажер! — Тише, Гарри, – Гермиона подошла, пройдясь босыми ногами по желтому сверкающему паркету, и обняла героя войны за плечи. Она опасалась вспышки немотивированной агрессии, которые иногда накрывали главного аврора, и тогда стихийная магия вырывалась из-под контроля, а это было чревато разрушениями. Мало кто об этом знал. Вот только случалось это все чаще… — Все нормально. Нормально, – проговорил он сквозь сжатые зубы. — Они есть. И ты, и я об этом знаем. Министр не сможет этого отрицать. Он нормальный, здравомыслящий человек. Просто надо время. — Время?! У меня нет времени. У меня его нет!!! — Это точно, — Гермиона обошла стол и села напротив, смотря в зеленые глаза, полные ярости. — Драконы затеяли Возрождение. Теперь я уверена в этом. Они качают силу на расстоянии. И Джинни – это не единственная жертва. Будут еще. А если учесть, что расположились они не где-то, а в Запретном лесу… — Хогвартс... – прошептал Гарри Поттер, лихорадочно выдвигая ящики стола в поисках сигарет. — Хогвартс защищен, – спокойно возразила Гермиона. — И если студенты не нарушат запретов,

ничего не произойдет. — А если нарушат?.. – тихо проговорил аврор, что вообще за Возрождение? — Только один из рода может обращаться. Это они так называют себя – драконы. На самом деле истинный Серебряный Дракон только один. И способность приходит к магу только тогда, когда род нуждается в этом. Например, сейчас. Я не знаю пока конечной цели, но то, что это обряд Возрождения, понятно сразу. — Джинни… — А здесь удар направлен на тебя, Гарри. Гораздо проще найти простого мага, не привлекая внимания. Но кто-то выбрал именно Джинни. Именно ее силы уходят Серебряному Дракону. Побелевшие пальцы сдавливают край стола. — Убью… — шепчет Главный аврор. — Задушу голыми руками…— он опускает голову на скрещенные руки. Гермиона Уизли успокаивающе гладит друга по плечам и не замечает, как уже из ее глаз текут слезы. Она не сказала главного, просто не смогла. Процесс возрождения Дракона необратим. Никто не вернет магию Джинни Поттер. Никто не остановит отток жизни. Но она будет искать. Она обязана. Она всегда делала все для своей семьи. И сейчас пойдет до конца.

Глава 3.

— Хогвартс. Жалкая пародия на школу. Лучше сдохнуть, чем провести здесь еще два года. — Ты о чем, Драко? – Блейз смотрит на меня, чуть усмехаясь. Не понимает. Им не понять. А мне страшно. Так страшно, как никогда в своей жизни. Интересно, а ЕМУ тоже страшно? Он тоже прячет свой страх за показным безразличием и отвращением ко всему окружающему? Вряд ли. Он другой. Ему с детства внушали, что он — единственный, кто смог противостоять Лорду, противостоять самой смерти. Избранный. Для убийства Темного Лорда. Я теперь тоже избранный. Для убийства Светлого Лорда. Что это? Желание быть таким же, как он? Но у меня нет ни капли его преданности, ни капли его храбрости. Но я справлюсь. Я могу. Я докажу. В конце концов, у меня просто нет выбора. — Блейз, — тяну насмешливо, больше презрения, больше холода и, быть может, тогда никто не сможет разглядеть во мне позорный страх, — я о том, что, возможно, мне не придется больше учиться здесь. И где-либо еще. Панси Паркинсон. Смотрит настороженно. Ну, конечно. Воображает, что знает меня, как свои пять пальцев. Как бы не так, дорогая. Истинного лица Драко Малфоя не знает никто. Я чувствую чуть уловимое движение над головой. На самой грани ощущений. Я чувствую тебя, Поттер. Ты здесь. И я знаю твой

маленький секрет об уникальной мантии. Подслушиваешь? Да? Прикрываю глаза, будто устав от разговора. Рывок. Поезд стоит. Однокурсники собирают вещи. — Идите. Мне надо проверить кое-что, — бросаю вслед. Ты в ловушке, Поттер. Закрываю все окна шторами одним небрежным движением палочки. Даже не поворачиваясь, чувствую на затылке напряженный взгляд. Тебе страшно? — Мамочка не учила тебя, что подглядывать нехорошо, Поттер? Петрификус тоталус! Пьянящее чувство победы охватывает все мое существо, когда я слышу глухой стук. Я не контролирую себя, это выше моих сил. Подхожу и резким жестом стягиваю невесомую тряпку. Твое застывшее лицо бесстрастно. Но я… я могу разглядеть удивление в глубине зеленых глаз. За что тебе такие глаза, Поттер? Они совсем ни к чему полукровке… Они парализуют мою волю. Покорить. Заставить чувствовать боль. О, я знаю все о твоей боли: — А, да. Она сдохла, прежде чем ты научился ходить, — ты не можешь пошевелиться, но в твоих глазах ярость и тоска. Я вдруг чувствую твою боль так, будто бы это моя собственная. И мне становится страшно. Нужно убрать, убрать это ощущение… и я вспоминаю своего отца… мразь… — Это тебе за отца, — ногой по лицу, под подошвой противный чавкающий звук ломающегося носа. Ничего. Залечишь. Накрываю его мантией и говорю: — Приятного пути в Лондон. Может, ты и правда

уедешь в Лондон? Может, я больше не буду ловить на себе этот пристальный взгляд? И холодеть от ужаса, понимая, что ты… ты тоже знаешь все о моей боли…

Новая тайна визжащей хижины

Профессор Флитвик стоит на кафедре перед классом. Сегодня он рассказывает о заглушающих чарах. Большинство студентов уже знают, как это делается. Но все-таки приходится сидеть, слушать и конспектировать еще раз. Альбус задумчиво водит по пергаменту пером, вырисовывая гиппогрифа, которого, наконец, увидел вживую. Скорпиус сидит рядом и с самым серьезным видом слушает профессора, по обыкновению

чуть наклонив голову набок. Альбусу становится интересно – неужели Малфой раньше не знал о заглушающих? Он исподтишка заглядывает в пергамент соседа. На пергаменте Малфоя ни слова о чарах. Там новая модель Нимбуса, набросанная четкими и ровными штрихами, несколько пляшущих снитчей и профиль, в котором легко угадывается Поттер-младший. Альбус сопит от неожиданности и приоткрывает рот. Скорпиус косится на него и строго произносит: — Поттер, займись чарами, пожалуйста. Ты меня отвлекаешь, — в голубых глазах пляшут озорные бесенята. — Мистер Поттер, — тут же реагирует Флитвик, — чем вы заняты? — Тем же, чем и мистер Малфой, — несколько развязано отвечает Альбус. Если их и накажут за то, что они рисуют вместо конспектов, то вместе. Взгляд профессора обращается к маленькому Малфою. — Я конспектирую лекцию, сэр, – учтиво склоняет голову Скорпиус. — Позволите? – профессор протягивает руку с явным намерением ознакомиться с записями слизеринца. — Пожалуйста, — Малфой неторопливо протягивает пергамент Флитвику. — Что ж… неплохо, мистер Малфой. Пять баллов Слизерину за прилежность и аккуратность. Альбус понимает, что каким-то неведомым образом Скорпиус обманул старого профессора. Теперь его взгляд в сторону Малфоя полон гнева. — Мистер Поттер, можно? – Альбус понимает, что у него нет запасных вариантов, как у Скорпиуса, и молча протягивает пергамент профессору, мрачно насупив брови. Флитвик задумчиво приподнимает брови и спокойно произносит: — Пять баллов со Слизерина за безделье на уроке. Скорпиус преданно смотрит на профессора, демонстрируя прилежность и повышенное внимание к его лекции. Поттер чувствует, что стремительно краснеет, ему становится жарко и мучительно хочется ослабить узел галстука. Скорпиус развлекается таким образом? Ну, ладно, Альбус Поттер не злопамятный, он просто тоже любит повеселиться. После чар Альбус демонстративно не разговаривает со Скорпиусом, но, поняв, что данная тактика не приносит результата – Скорпиус равнодушно идет рядом, —

решает действовать по-другому. — Скорп, а ты почему меня рисовал? – спрашивает он громко, позаботившись, чтобы проходящие мимо слизеринцы услышали. Скорпиус смотрит на него, не моргая в течение нескольких секунд, потом улыбается краешком губ: — Тебе померещилось, Поттер, я писал лекцию, за что и заработал пять баллов для своего факультета. — Ага. Только до этого ты рисовал меня. — Поттер, мания величия. — Может, и мания величия, Малфой, но все-таки. — Ну, рисовал, — сдается Скорпиус, оглядываясь по сторонам. — А кого еще мне рисовать, если ты постоянно рядом торчишь, — прошипел он торопливо. — Пойдем. — Ну, пойдем, — победно улыбается Альбус — ему очень важно, чтобы Малфой это признал, а теперь можно и расслабиться. С таким как Скорпиус всегда приходится держаться в напряжении, ощущая какой-то спортивный азарт. В Большом Зале шумно. Начинается обед. Внезапно в раскрытое окно врывается несколько сов. Точно таких же, как утром, когда приносят «Ежедневный пророк». И сейчас они точно с такой же газетой. А это значит... это значит, что в волшебном мире случилось что-то из ряда вон выходящее, что-то, из-за чего выпустили экстренный номер. Одна из газет плюхается на слизеринский стол. Угхарт мгновенно хватает ее и раскрывает на первой полосе. Газета состоит всего из одного разворота. Любопытство пересиливает приличия, и Альбус вытягивает шею, чтобы увидеть хоть кусочек желтого газетного листа. И чувствует, как сердце начинает биться где-то в горле, а предчувствие чего-то страшного затягивает в темный водоворот. — Ал… — Скорпиус взволнованно вцепляется в его ладонь. — Угхарт, отдай, – произносит Альбус надтреснутым, будто чужим голосом. И понимает, что в зале пронзительная тишина. Внезапно раздается звон осколков со стороны гриффиндорцев, Альбус встречается взглядом с побледневшим Джеймсом, под его ногами разбитая тарелка. Вскочив на ноги, Альбус выхватывает газету из рук старосты и начинает читать. Строчки прыгают в разные стороны, чужие мертвые слова складываются в текст: «… Главный Аврор Поттер… при попытке задержания особо опасной группы… Св. Мунго… на грани жизни и смерти… никогда еще… в бессознательном состоянии… полное магическое истощение… колдомедики ведут отчаянную борьбу за жизнь Героя…» Дальше читать нет сил. Да, отец – аврор и всякое случалось. Но почему же сейчас так страшно, почему сейчас так больно?.. Почему Джеймс так побледнел и не отводит глаз от его лица? У Альбуса ощущение, что он сможет общаться с братом мысленно, если захочет. Отец не просто ранен, а может умереть. Они же прощаются с ним! Для этого и статья. Все решили, что Героя

скоро не станет. Идиоты! Он не может вот так просто умереть! Он — Гарри Поттер! Он – Герой! — Нет!!! – кричит Альбус и вырываясь из рук Скорпиуса, кидается ко входу из зала. — Ал, стой! – кричит Джеймс, но непростительно медленно выбирается из-за гриффиндорского стола. — Поттер! – зовет Макгонагалл, пытаясь остановить Альбуса. — Запретить эту газетенку в школе! – громко произносит Аберфорт Дамблдор, и при звуках властного голоса все умолкают. — Всем успокоиться, — торопливо говорит профессор Лонгботтом, порываясь кинуться за крестником, но понимая, что должен остаться на месте и навести порядок в зале. К тому же Лили. Лили Поттер сидит молча и выпрямив спину, смотря в стенку перед собой.

— Обед никто не отменял! – громко говорит декан Гриффиндора и уходит. Остановившись у двери, он оборачивается и спокойным голосом зовет: — Мисс Поттер, пройдите со мной, пожалуйста. А через пару часов выясняется, что из Хогвартса пропали двое студентов. Никто не видел Альбуса Поттера и Скорпиуса Малфоя. Это рассказал студент Гриффиндора Джеймс Поттер, который в поисках брата даже спустился в подземелья Слизерина, где, стоически вытерпев насмешки змеиного факультета, выяснил, что Альбус и Скорпиус не возвращались в свою гостиную. В подобной ситуации Макгонагалл привыкла обращаться непосредственно к Главному аврору, но, в свете последних событий, это не представлялось возможным. Сообщать что-либо убитой горем Джинни Поттер по меньшей мере негуманно. Вряд ли директор сможет найти Гермиону и Рона Уизли сейчас. Ну, по крайней мере, она должна сообщить родителям не одного, так другого. В конце концов, в прошлый раз Драко Малфой оказался полезен. А со стороны Поттеров достаточно Лонгботтома – он все-таки крестный мальчика…

***

Скорпиус и не понял, как оказался на опушке Запретного леса. Дракучая ива стояла, зловеще расставив ветки-лапы и, казалось, только и ждала, чтобы кто-нибудь подошел ближе и попался в ловушку. Скорпиус знал о норовистом характере зловредного дерева и потому, замедлив шаг, аккуратно обошел иву стороной. Куда же подевался Альбус? Скорпиус, как всегда в подобных ситуациях, начинал злиться на излишне эмоционального друга. Нет, он, конечно, и предположить не мог, как бы повел себя сам, если бы вдруг узнал, что отец в Св. Мунго без сознания при смерти. Наверное, тоже бы стремился уйти подальше от любопытных глаз. Но все-таки поступок Альбуса казался сдержанному Малфою излишне экспрессивным. Теперь

надо было идти вглубь леса, что запрещено всеми школьными правилами. Отец строго настрого запретил нарушать любое из них. Он приучил Скорпиуса к тому, что к нему в Хогвартсе будут относиться предвзято, и что он должен суметь за себя постоять не только с помощью волшебной палочки, ведь колдовать во внеучебное время – нарушение тех же самых правил. Именно поэтому Драко Малфой учил сына драться. Драться так, без всякой магии, отстаивать свое мнение и держаться от всех особняком. И Скорпиусу удавалось слушаться отца, вот только когда дело касалось Поттера, все усвоенные истины летели к чертям. Страшно? Еще как. Скорпиусу показалось, что его тошнит от страха, что желудок сейчас вывернет наизнанку, что нет больше сил противиться могущественной магии Запретного леса. И что надо поворачивать назад – Альбуса в этом вечном сумраке ему не найти. Вернется. Поттер не маленький беспомощный ребенок. По крайней мере, не старше его самого. Однако беспокойство и щемящее чувство потери чего-то важного гнало Малфоя за тем, кого он уже, не осознавая, считал своим другом. Спустя пять минут Скорпиус понял, что если не остановится, то не найдет дороги назад. Он обессилено прислонился к одному из больших мрачных деревьев и тихо произнес: — Ну где ты, Ал? И вздрогнул, услышав тихое: — Здесь. В одно мгновение подскочив к съежившейся за соседним деревом фигурке, Скорпиус закричал, схватив Альбуса за зеленый воротник мантии: — Ты что о себе возомнил, Поттер?! Голубые глаза потемнели, став свинцово-серыми, на белой коже щек выступил неровный лихорадочный румянец. Поттеру стало страшно — такого Малфоя он еще не видел. Цепкие пальцы держали его крепко. Альбусу казалось, что через секунду задохнется, но он не мог выдавить из себя ни звука. — Ты... ты… — яростный запал Малфоя внезапно угас, он просто продолжал встряхивать Альбуса, словно силясь привести его в чувство, а Альбус болтался в его руках тряпичной куклой, даже и не думая сопротивляться. Наконец, отпустив Поттера, Скорпиус отошел на пару шагов, чтобы смерить его бешеным презрительным взглядом и произнести сквозь сжатые зубы: — У меня из-за тебя неприятности. Макгонагалл наверняка доложит отцу. А отец… — он сжал виски руками и сполз прямо на землю. — Он тебя бьет? – вопрос прозвучал неуместно и глухо в таинственной тишине леса. — Что? – Малфой убрал руки от лица и в недоумении посмотрел на друга. Потом внезапно зашелся нервным, булькающим смехом: — Бьет? Отец? Меня?! Сдурел, что ли, Поттер… Да он бы никогда и пальцем меня не тронул... нет... он меня не бьет. Он меня воспитывает. И поверь, иногда мне кажется, что лучше бы сразу бил. — Меня тоже… воспитывает... –

тихо произнес Альбус, опускаясь на холодную сырую землю рядом с Малфоем. — Скорпи… — прошептал чуть слышно, — я... там… кто-то есть. — Где? – встрепенулся Малфой, мгновенно вскакивая на ноги. — Не нервничай, — улыбнулся Альбус, и эта кривая улыбка на бледном лице показалась Малфою очень зловещей, — он не опасен. Это дальше. Там. Ты знаешь про Визжащую хижину? — Слышал, — ответил Малфой, настороженно изучая Поттера. Опять что-то задумал? И чего ему на месте не сидится… — Так вот... я нашел кое-что... кое-кого... но он... ранен, короче. И я в хижину его отнес. Чтобы помочь. — А что не в Хогвартс? – сразу сориентировался Скорпиус. — Меня попросили… — Что?! Поттер, ты о чем? – Скорпиус уже был напуган сверх всякой меры и хотел только одного: обратно в Хогвартс, в Слизерин, - и под одеяло, по возможности. — Пойдем со мной, а? Скорпи, пожалуйста… — зеленые глазищи смотрели с невероятной мольбой, казалось, еще чуть-чуть — и Альбус заплачет. — Куда? – буркнул Малфой, понимая, что пойдет. Как коза на веревочке пойдет за чертовым Поттером. Почему Поттер «чертов», Малфой не понял, но подумал, что именно это определение подходит неугомонному больше всего. — В хижину, я же говорил... – терпеливо объяснил Альбус. — Вообще мне надо пройти за антиаппарационный барьер, — как бы между прочим сказал он, — мне надо к отцу. — Поттер, — потрясенно выдохнул Скорпиус, чувствуя, что его сегодняшний лимит удивлений абсолютно исчерпан, — ты не боишься, что попадешь к отцу частями? Ручки, там ножки... по отдельности. Нет, не боишься? — Не боюсь, – упрямо сжал зубы маленький Поттер. — Я должен быть в Мунго. Мне никто не расскажет правды. А я должен его видеть! – в зеленых глазах плескалось отчаянье, перемешанное с непоколебимой решимостью, и Скорпиус подумал, что об этом поговорит с Альбусом потом. Сначала надо выяснить, кого Поттер затащил в эту хижину, будь она неладна… Альбус с заговорщицким видом подошел к Дракучей иве и, не дав строптивому дереву опомниться, резко нажал куда-то. — Откуда ты знаешь об этом? – потрясенно спросил Скорпиус. — Папа любит рассказывать сказки. И про иву в том числе. А сказки вовсе и не сказки оказывается. Мне надо было его куда-то утащить, вот я и проверил… Пробравшись по пыльному лазу, мальчишки оказались на самой окраине Хогсмида. Хижина встретила слизеринцев тишиной и затхлым запахом. Сразу стало понятно, что здесь давно никого не было. Теперь это было просто полуразрушенное старое, покосившееся строение. Подойдя вплотную, Скорпиус услышал тихий писк. — Что там? – прошипел он, нетерпеливо дергая Альбуса за руку. — Ангус… – мечтательно

ответил Альбус, в его глазах мелькнуло обожание. — Кто? – переспросил Малфой и замер в немом изумлении на пороге. Оказывается, он еще мог удивляться. Посреди грязного пола на сером кашемировом свитере, что без сомнения раньше был надет на Потере, сидел, нелепо и трогательно распластавшись, маленький дракончик странного серебристого цвета, и разевал маленький зубастый рот в требовательном писке. * * * Драко Малфой появился в кабинете директора Хогвартса, как обычно, преисполненный чувством собственного достоинства. Пройдя к предложенному креслу, он сел, не отрывая внимательного ледяного взгляда от профессора Макгонагалл. — Что опять стряслось, госпожа директор? — проговорил он, намеренно растягивая гласные, словно демонстрируя пренебрежение. Но это было не совсем так. Мистер Малфой ничего не демонстрировал специально. Он просто вел себя как всегда. — Вы читали сегодняшние газеты? – сухо спросила Макгонагалл, заставляя себя подавить неприязнь к сидящему человеку. — Как-то не довелось, — усмехнулся он. — Не очень доверяю нашей многоуважаемой прессе, — вопреки словам взгляд его стал более серьезным, из голоса ушла манерность. Макгонагалл посмотрела прямо в серые глаза и, выдержав тяжелый взгляд, сказала: — Главный аврор пострадал при задержании преступников. За его жизнь борются целители, но он без сознания. За эти короткие секунды что-то неуловимо изменилось во взгляде Драко Малфоя. Лицо осталось таким же – ни один мускул не дрогнул, но зрачки внезапно расширились, полностью закрывая собой серебристую радужку, и на мгновение в них мелькнула самая настоящая боль. «Мерещится на старости лет», — одернула себя Макгонагалл. Вряд ли Драко Малфой способен испытывать сострадание. Впрочем, она пригласила его не за этим. — Альбус Поттер прочитал специальный выпуск «Пророка» за обедом и убежал в неизвестном направлении. — Тааак, — протянул Малфой-старший и пальцы нервно сжали волшебную палочку, — я так понимаю, причина моего визита - не здоровье нашего всенародно любимого… Героя, — проговорил он с заминкой, словно перебирая в уме возможные слова для Гарри Поттера, — и даже не судьба его излишне любопытного отпрыска. Речь о Скорпиусе. Я правильно понял? — Да, мистер Малфой. Скорпиус пропал. Вместе с Поттером-младшим. — Чего и следовало ожидать… — пробормотал Драко Малфой и посмотрел на Макгонагалл пристально, пряча презрение в глубине стальных глаз. — Мне не ясна причина вашего скептицизма, мистер Малфой. Мальчики пропали. Обратиться к Поттеру я не могу. Вас же считаю нужным поставить в известность. Вскоре прибудет отряд авроров, которые

начнут поиски пропавших студентов. — Понятно. Спасибо за информацию. — Куда вы? – непонимающе спросила Макгонагалл, смотря на Малфоя, направляющегося к выходу из ее кабинета. — Искать сына, конечно же. Или вы думаете, я буду тут сидеть и ждать, пока наши доблестные авроры соизволят заняться поисками? Конечно, стоило дождаться поискового отряда. Конечно, Драко даже приблизительно не знал, куда могли податься двое взбалмошных слизеринцев. Но был уверен, что если еще хоть на секунду задержится в этом кабинете, то вся его тщательно выстраиваемая

беспристрастность треснет по швам: эмоции, настоящие, живые выплеснутся через край, и он перестанет быть собой.

Глава 4

Джинни говорит, что книгу Принца-полукровки надо спрятать. Спрятать так, чтобы никто не нашел. Она считает, что ей самое место в Выручай-комнате. Я слушаю ее. Я согласен, конечно, но перед глазами у меня вовсе не пресловутый учебник по зельям. Пред глазами алые полосы на белоснежной ткани рубашки, в ушах звенит тихий скулеж. И понимаю, что Джинни говорит и говорит, а я ее не слышу. Я думаю только об одном – узнать, как он там. Отвечаю Джинни, что да, конечно, книгу надо убрать подальше, и просто сижу, глупо улыбаясь друзьям в ожидании, когда же этот день закончится, и я смогу выскользнуть незамеченным из гриффиндорской гостиной. Наконец, вечерняя суета улеглась. Я слышу, как тихо посапывает Финниган, сквозь небольшой проем в пологе вижу, как устраивается поудобней Рон. Спят. А я не могу спать, пока не увижу Его. Это похоже на одержимость, я одержим идеей увидеть Драко Малфоя. Понять, что я не убил его. Что с ним все в порядке. А еще… никогда никому… я хочу увидеть, есть ли шрамы. Оставило ли мое заклинание неизгладимый след на его коже. Клеймо. Что-то глухо ворочается в груди. Сердце? Иду под мантией в больничное крыло. Я знаю, что

Снейп отнес Малфоя туда, после того, как излечил нанесенные Сектумсемпрой порезы. Жалкое, предательское заклятье… Заклятье трусов. Иду. Внутри словно сжатая пружина. Я словно снова готовлюсь отражать нападение. Смешно. Малфой там один и вряд ли будет нападать. Ночь очень тихая и холодная. Лежит на кровати возле окна, зябко закутавшись в одеяло. Снова щемит в груди, снова к горлу подкатывает комок. И снова сквозь тонкую ткань одеяла проступают проклятые позвонки. Прикусываю губу и опять начинаю их считать. Наверное, тяну время, чтобы не подходить. — Кто здесь? – вскидывается он, почувствовав мое присутствие. Силен, звереныш… Молчу. Но все-таки подбираюсь поближе. — Кто?! – вскрикивает он и отбрасывает одеяло в сторону, садясь на кровати. Легкий, невесомый лунный свет высвечивает тонкий силуэт.

— Холодно, – выдыхает он вдруг, обхватив себя за плечи, — черт, как же холодно… Сажусь рядом и молча накидываю сползшее одеяло на напряженные плечи. Малфой шумно выдыхает сквозь зубы, с опаской смотря и не видя. — Все-таки пришел, – говорит он и закрывает глаза, совершенно безумно улыбаясь…

Вернулись!

Выйти из кабинета директора Хогвартса Драко Малфой не успел. Его чуть не сшиб с ног рыжий мальчишка, влетевший в комнату как маленькое, но очень разрушительное торнадо. Не обратив никакого внимания на его малфоевскую персону, Джеймс Поттер резко затормозил и, разом смутившись под вопросительным и строгим взглядом директора, сказал, тщательно пытаясь скрыть волнение в голосе: — Они вернулись, профессор! Малфой мгновенно сориентировавшись и поняв, кто такие «они», почувствовал, что напряжение медленно сползает с него, как старая шкура с тела змеи, и обессиленно упал в кресло, понимая, что в данный момент не сможет сделать и шага. — Хорошо, мистер Поттер, — спокойно ответила Макгонагалл, но неимоверное облегчение отразилось и в ее глазах, — попросите мистера Поттера и мистера Малфоя пройти сюда, пожалуйста. На лице Джеймса мелькнула злорадная усмешка, и он отчеканил, высоко задрав патлатую голову: — Будет сделано, профессор! Похоже, перед возможностью насолить малфоевскому сыну меркла даже привязанность к родному брату. Малфой отметил это про себя мимоходом, заметив яркие эмоции на лице старшего сына Поттера, и в очередной раз подумал, что не все так гладко в героическом семействе, как это представляют себе большинство обывателей из газет. Джеймс так же стремительно выбежал из комнаты, не забыв аккуратно прикрыть дверь. Макгонагалл задумчиво смотрела в окно. — Наверное, вы хотите поговорить с сыном? – спросила она, будто сомневаясь, что такой человек, как Драко Малфой захочет заняться воспитанием собственного ребенка. — Логика всегда была вашей сильной стороной, профессор, — заметил Малфой не без доли ехидства. — Отлично, мистер Малфой, — Макгонагалл быстро осадила своего бывшего студента чуть прищуренным строгим взглядом непоколебимого профессора трансфигурации, что во время войны (в отличие от некоторых) активно участвовала в битве за родную школу, — но сначала это сделаю я. — Отлично, профессор Макгонагалл, — в тон ей ответил Малфой, — я подожду. И подумал, что первый раз в жизни ему хочется открутить уши собственному сыну. И неугомонному поттеровскому отпрыску тоже. Раз уж герой не может этого сделать сам в виду того, что находится в Мунго, то… Малфой улыбнулся своим мыслям. И если бы Скорпиус увидел эту улыбку, как бывало дома, то сбежал бы в другой конец замка, не задумываясь. Драко Малфой не наказывал. Он воспитывал. * *

* Альбус шел, и мечтательно-восхищенное выражение не сходило с перепачканного лица всю дорогу обратно. Дракончик уютно устроился у Поттера за пазухой. Скорпиус медленно закипал. Неугомонный ничего не пояснял. Он просто шел с этой идиотской улыбочкой и не понимал, что из-за него у Скорпиуса Малфоя будут неприятности. Он нарушил правила. Из-за Поттера. Что случится, если об этом узнает отец, маленький Малфой старался не думать. Но правду в качестве компенсации возможного наказания узнать хотел. — Стоять, – строго произнес он, когда они отошли от дракучей ивы на относительно безопасное расстояние. — А? – Поттер снова глупо улыбнулся. — Поттер, немедленно, прямо сейчас объясни мне, что происходит. Откуда ты взял эту тварь? Альбус вздрогнул, глаза полыхнули настоящей яростью, он кинулся на Малфоя, сбив его с ног и придавив к холодной земле. — Это Ангус. И он не тварь. Запомни, Малфой. Скорпиус испуганно встрепенулся, но понял, что проморгал момент, когда можно было вывернуться. Теперь он смотрел в бешеные потемневшие глаза и понимал, что что-то резко изменилось в Поттере-младшем. А вот нравятся ли эти изменения ему, Малфою, он еще не решил. — Хорошо, — покорно согласился Скорпиус, — Ангус. Ладно, Альбус, я понял. — Надеюсь, — хмыкнул Поттер и, откатившись в сторону, бережно поддерживая драгоценную ношу, быстро поднялся на ноги. Скорпиус встал, неторопливо отряхнулся. Посмотрел на Альбуса, нехорошо усмехнувшись. Поправил рукой светлые пряди, выбившиеся на лицо. Подошел под пристальным прицелом зеленых глаз. Вытянул руку вперед и резко схватил Альбуса за отворот мантии, мгновенно припечатав того к ближайшему дереву. Ангус пронзительно заверещал. Поттер молча и ожесточенно пытался вырваться из цепкого захвата, но это было невозможно. Теперь уже Скорпиус контролировал ситуацию. — Никогда не смей нападать на меня, Альбус Северус. Никогда. Малфой смотрел на трепыхающегося Альбуса пристально, не улыбаясь. — Откуда ты взял эту тварь, Поттер? Я повторяю. Откуда? Кто тебе сказал не рассказывать? Не думай, что сильнее меня. Я уже по уши в твоей авантюре и должен знать, во что ввязываюсь. И если ты один раз застал меня врасплох, это не значит, что я буду ходить за тобой и делать, как ты скажешь. Откуда, Поттер? Кто? Альбус изо всех сил попытался вырваться. Не получилось. Скорпиус вцепился в него железной хваткой. — Я не знаю! – выкрикнул он, поняв, что еще чуть-чуть и расплачется, как маленький. Все не так! Он хотел, чтобы Малфой поддержал его. Просто поверил. А он требует объяснений, еще и показывает превосходство. О том, что сам чуть не кинулся на друга с

кулаками за неосторожно брошенное слово, Альбус, как водится, уже забыл. — Он умер. Я нашел его в лесу. Он просто протянул мне сверток и сказал, что это Ангус, и я должен его беречь. Что от этого зависит целый род. И что-то про кровное родство. Но я не расслышал. Он умер…. – Альбус всхлипнул и отвернулся. — Отпусти. Скорпиус отпустил. Отошел на пару шагов и изучил Поттера внимательно с головы до ног: — Это ужас, Поттер. Ты вляпываешься всегда и во все. Ангус. Ну, надо же. А если эта тварь, – он намеренно произнес это слово, чтобы зеленые глаза снова вспыхнули диким блеском. Но связываться с ним снова Альбус не рискнул. И правильно. Скорпиус теперь каждую минуту наготове, — подрастет и просто сожрет тебя? И меня за компанию. Что тогда? Это магическое существо, придурок. И за ним нужен особый уход – это раз. И нужно знать, во что оно вырастет – это два. Я понятно изъясняюсь? — Понятно, — ответил Альбус, обиженно сопя. После чего с гордым и независимым видом отправился в сторону Хогвартса. Скорпиус отрешенно подумал, что, по-видимому, между ними снова какое-то недопонимание. Нет, ну, он не хотел, чтобы так вышло. Просто он должен доказывать свое превосходство там, где не может продемонстрировать равнодушие. Так учил отец. Пошел снег. Белый и легкий, словно пух, он медленно оседал на мерзлую землю. Ранний снег. Ведь еще только октябрь. Скорпиус запрокинул голову, чтобы поймать губами легкую, резную снежинку. На душе было гадко. Хотелось просто закопаться в снег, который наверняка покроет землю, и уснуть. Непременно так, чтобы никто не знал. И Поттер будет его искать, забыв про эту свою тварь. И будет проклинать момент, когда вот так променял его дружбу на это непонятное существо. Скорпиус вздохнул и понял, что Альбус уже далеко впереди. Ну уж нет. Заявиться в Хогвартс следовало вместе. Ведь наказания не избежать. А ему хочется видеть, как это глупое выражение сползет с поттеровского лица. Догнав быстро шагавшего Альбуса, он миролюбиво спросил: — Куда так торопишься? Не терпится повидаться с Макгонагалл? Альбус покосился на него, сильнее прижал к себе дракончика под мантией и сказал сухо и отстраненно: — Холодно. Ангуса надо согреть. — Понятно, — ответил Малфой, снова начиная злиться. Согреть. Как же. А потом покормить. Не исключено, что тварь предпочитает мясо и просто оттяпает Поттеру руку. Ну и ладно. Он же у нас все знает про все на свете. Вырастит себе новую. Идиот. В Хогвартсе Альбус накинул мантию и жестом позвал Малфоя присоединиться. — Зачем? – прошептал Скорпиус. — Ангуса устроим, потом появимся. А то такое начнется. А мне надо его спрятать. Скорпиус

вздохнул и решил не спорить. Спорить, когда нет четкого знания целей, он не умел. Проскользнув в спальню, Альбус подошел к своей кровати. Никого из однокурсников не было. Они сидели в гостиной вместе со старшими и слушали, как Угхарт призывает всех к послушанию и обрушивает проклятья на головы пропавших, ведь баллы с факультета точно будут сняты. Выдвинув большую коробку из-под сладостей, что притащил с собой еще из дома, он уютно устроил в ней дракона, снова оставив ему свой свитер в качество подстилки. После чего задвинул коробку обратно подальше к стене, удостоверившись, что согревшийся питомец уснул. — Пойдем, — коротко сказал он и снова накинул на них мантию-невидимку. Выйдя из подземелий, ребята снова вернулись к главному входу, и Альбус, стянув невесомую материю, сказал: — Теперь все. Можно и идти. Ощущая накатывающие приступы ярости, Малфой молча двинулся за ним. В коридоре их сразу же заметил Джеймс. — Ал! – вскрикнул он, абсолютно проигнорировав Скорпиуса. — Куда ты делся? – в голосе брата было столько обиды, что Альбус даже устыдился. Совсем немного. — Я… мне… короче… Про папу что-нибудь известно? – спросил Альбус, переводя тему. Джеймс опустил глаза и покачал головой. Ничего, кроме обеденного выпуска «Пророка» не было. Да и откуда взяться новостям, если весь Хогвартс занят поисками пропавших слизеринцев? — Джим, ты извини, мы пойдем, ладно? – протараторил Альбус, обходя Джеймса, вплотную прислонившись к стене. — Ты почему такой грязный? – подозрительно спросил брат. — Ты что, дрался? С ним? – короткий презрительный кивок в сторону Скорпиуса показал, что Малфоя Джеймс все-таки заметил. — Нет, – ответил Альбус, — упал. — Ага, – сказал Джеймс, — ну, ладно, пока, — и умчался вверх по лестнице. Когда Скорпиус и Альбус, абсолютно вымотанные событиями сегодняшнего дня, вошли в гостиную своего факультета, то встретились с толпой гневных слизеринцев, сверкающие глаза которых говорили о том, что нарушителям спокойствия не поздоровится. — Э… привет? – в наступившей мрачной тишине проговорил Поттер. Чем закончилась бы данная сцена, Альбусу узнать не удалось ввиду того, что за спиной Скорпиуса показался Джеймс и с видимым удовольствием проговорил: — Студентов Слизерина Поттера и Малфоя вызывает директор Макгонагалл в свой кабинет. Немедленно, — добавил он, довольно осклабившись. — Брысь! – прошипел Скорпиус. — А не то я тебя внутрь затащу, — усмехнулся он, заметив, как нездорово побледнел гриффиндорец, видимо, представив себя в компании разъяренных слизеринцев. — Господа, — важно проговорил Малфой, — я думаю, мы разрешим все наши

разногласия очень скоро. А сейчас нам пора. Пошли, Поттер, — прошептал он, дернув окаменевшего Альбуса за рукав. В директорском кабинете было холодно. Из распахнутого нараспашку окна залетали редкие снежинки. В кресле в нарочито небрежной позе застыл отец Скорпиуса. Директор восседала а столом и молча смотрела на вошедших слизеринцев, думая, как же похож Альбус на Поттера-старшего. Не только внешне, хотя сходство просто поразительное, а способностью постоянно попадать в истории. Вот только у Гарри Поттера рядом всегда были верные друзья, а у Альбуса только Скорпиус Малфой, в преданности которого Макгонагалл сильно сомневалась, хоть и корила себя в предвзятости. Уж слишком живые воспоминания оставил после себя Драко Малфой в этой школе. — Я вас оставлю, — хмыкнул Малфой-старший, даже не взглянув на сына, но зато окинув прожигающим взглядом Альбуса. Альбус зябко повел плечами никак не отреагировав. Без свитера было холодно.

— Молодые люди, — скрипуче произнесла профессор, — потрудитесь объяснить, где вы пропадали. Альбус молча изучал пол директорского кабинета, и Скорпиус понял, что говорить придется ему, если он не хочет, чтобы их сейчас же выкинули отсюда, оштрафовав факультет на сотню-другую баллов.

— Госпожа директор, — вежливо начал он, — дело в том, что Альбус в расстроенных чувствах покинул территорию Хогвартса, а я вызвался помочь ему преодолеть всю моральную тяжесть, свалившуюся на эти хрупкие плечи.

— Что? – губы Макгонагалл непроизвольно задергались, она еле сдерживала улыбку. — В любом случае, мальчики, вы нарушили сразу несколько школьных правил, и мне придется вас наказать.

— Да, профессор, — подал голос Поттер-младший, вычерчивая рисунок носком ботинка на цветном мраморе пола.

— Мистер Малфой, вас ждет отец. Он хочет с вами поговорить. А вы, мистер Поттер, свободны в силу сложившихся обстоятельств. Пока свободны. Взыскание будет назначено завтра же. А пока пятьдесят баллов со Слизерина. Всего доброго.

— Как пятьдесят? – побледневшими губами прошептал Поттер. — Не надо... – прибавил он тихо, представляя, что сейчас творится в гостиной Слизерина, где все студенты наблюдают, как из их чаши исчезают с таким трудом набранные изумруды.

— Это не вам решать, мистер Поттер, — строго сказала профессор Макгонагалл. — Я понимаю, что сейчас это жестоко. Но у меня нет выбора. Если все студенты начнут сбегать, куда и когда им вздумается, то случится что-нибудь непоправимое. Я уверена только в защите Хогвартса, а значит, должна пресечь все

попытки его покинуть.

— До свидания, профессор, — проговорил Скорпиус вроде бы вежливо. Но Макгонагалл слишком хорошо знала фирменную усмешку Малфоев и вздрогнула, увидев ее на губах Малфоя-младшего. Точь-в-точь Драко в детстве. Нет.. все-таки зря шляпа распределила Поттера на Слизерин… Зря…

В коридоре, из тени навстречу мальчикам вышел Малфой – старший.

— Отец… — невольно попятился Скорпиус. — Добрый день, мистер Малфой, — Поттер говорил спокойно, но все-таки нервничал. Из-за Скорпиуса.

Мистер Малфой внимательно осмотрел обоих слизеринцев с головы до ног, и жестом приказал следовать за собой. Скорпиус пошел послушно, смотря себе под ноги, а Альбус в нерешительности остановился. Как понимать мистера Малфоя – ему тоже идти или это касается только Скорпиуса?

— Мистер Поттер, — прервал его размышления язвительный голос, — вас это тоже касается. Внутри маленького Поттера все взбунтовалось, его личное нечто снова вырвалось на свободу:

— И с чего бы я должен за вами идти? Вы мне не отец!

— Не отец, — согласился Малфой, изучая злые слезинки, ползущие по щекам Альбуса. — Но отец твой сейчас валяется при смерти, а ты, – он скривил губы, — снова вовлек моего сына в неприятности.

«Знал бы ты, папа, в какие…» — подумал про себя Скорпиус, недоверчиво косясь на Альбуса, словно не понимая, как можно перечить, когда на тебя пристально смотрят эти холодные серые глаза, которые, кажется, все знают о твоей душе и твоих страхах. И тут Альбус осознал, что его отец действительно при смерти. Что он сам здесь, а папа – там. Стало очень плохо. Слезы катились и катились по щекам. Он прислонился к каменной стене и закрыл глаза.

— Скорпиус, — властно произнес Малфой-старший и пошел в одном ему известном направлении. Скорпиус последовал за ним. Отец вышел на улицу под снег, во внутренний двор замка.

— Я волновался за тебя, — сказал он тихо.

— Знаю, — прошептал Скорпиус. Снежинки кружились медленно и оседали невесомыми пушинками на светлых волосах Малфоев. Скорпиус молчал. Молчал и Драко, погрузившийся в свои мысли. — Зачем ты ушел из Хогвартса? – вопрос прозвучал глухо, словно Драко знал ответ, но считал нужным спросить. Скорпиус молчал. — За ним, да? Ты поперся за мелким Поттером, так? – в голосе отца была горечь, едкая и язвительная словно кислота. Она прожигала насквозь, и Скорпиус поднял глаза,

удивившись тону отца. — Так, — ответил он твердо, — я пошел за Поттером. — Но почему?.. – прошептал Малфой-старший. — Почему, Скорпиус? — Он – мой друг, – просто ответил тот. — Дружбы нет, Скорпи, – Драко облокотился на перила небольшой террасы, которую стремительно засыпал снег. — Есть, — выдохнул маленький Малфой, — это ты так думаешь. Ты приучил меня к одиночеству. А я... Я не хочу быть один! — Придется, — сухо ответил Малфой-старший, — придется. У сына Пожирателя не может быть друзей, — проинформировал он, смотря в небо. — И пусть Поттер еще не понимает этого. Поймет. Потом. И тебе будет больнее. — Отец… — начал он, и вдруг замолчал. Подошел, обнял его за ссутуленные плечи. Уткнулся носом куда-то в спину, ниже лопаток. — Пап, ты прости меня, ладно? Я не буду больше сбегать, – сквозь черную мантию голос звучал глухо. — Не будешь… — Драко повернулся, неловко опустив руки, он не знал, как реагировать на такие проявления нежности. Просто не знал. Их разговоры отец-сын всегда были строгими, выдержанными. Он думал, что подготовил своего сына к жизни в Хогвартсе, подготовил его к плевкам в спину за его, Драко, прошлое. Оказалось, он не подготовил его к самому главному. К недоразумению по фамилии Поттер. А если Поттер появляется в жизни Малфоя – то это сродни стихийному бедствию. Это Драко Малфой знал по собственному опыту.

Глава 4

— Драко, ну же… Смотри внимательно… Голос тетки, Беллатрисы Лейстрандж, змеей скользит прямо в сердце. Она безумна. Она абсолютно и бесповоротно безумна. Мне же дико холодно и страшно. В этом проклятом месте, которое я уже не могу назвать домом, всегда промозгло, всегда холодно. Склеп. Такой же ледяной и мрачный. Когда менор перестал быть для меня домом? Я точно знаю. Когда Лорд появился здесь. Когда за ним, шипя, вползла огромная змея. Я стал ненавидеть этот дом, когда сидел за столом среди Пожирателей и смотрел на своего бывшего профессора по маггловедению. И пусть я ненавидел этот предмет, и пусть я всегда был уверен в правильности суждений моего отца о грязнокровках. Все равно. Я возненавидел свой дом, где отныне поселилась сама смерть. Страшно. Я никогда не отличался ни смелостью, ни храбростью. А теперь вся моя жизнь – сплошной страх. И когда я увидел эти зеленые глаза на уродливом, распухшем лице, то испытал почти первобытный ужас. Никто и никогда не узнает о том, что я начал верить в победу Золотого мальчика. Я хотел, чтобы все закончилось. Чтобы эта тварь исчезла из моего дома. А теперь моя надежда сидела передо мной, и вы еще спрашиваете, узнаю ли я его? Разве можно не узнать эти глаза? Я слишком хорошо изучил

их за эти шесть лет. Слишком. Они чистого, прозрачно-зеленого цвета, темней по краям, а если вглядываться подольше, то легко можно рассмотреть золотые крапинки у самого зрачка, мелкие, словно песчинки, именно они виновники такого наивного и солнечного выражения глаз Поттера. В этом я уверен. Я смотрю на него, как удав на кролика. Отец кладет мне руку на плечо и шепчет что-то о том, что Лорд нам все простит… О, да я провинился, отец. Я не смог стать убийцей. Я – твоя жалкая тень. Твоя неудавшаяся копия, Люциус Малфой. Он забрал наш дом, нашу честь и право на свободу, заклеймил, будто своих овец, а я теперь должен отдать ему право смотреть в эти глаза? Я слишком боюсь. Прости. — Что у него с лицом? – это все, что я способен из себя выдавить, лихорадочно соображая, что же делать. Предать этот взгляд… нет, не смогу, и не просите. — Да, что у него с лицом? – истерично смеется Лейстрандж, и мне становится физически плохо. Тошнота подкатывает к самому горлу. — Нет. Не уверен, — говорю я, рассматривая уродское лицо, в котором легко угадать знакомые черты. Они что, все слепые что ли… — Смотри, Драко, — обманчиво ласково произносит Беллатриса, — смотри, а там? Это же грязнокровка Грейнджер и ее рыжий дружок? Ну, конечно, это грязнокровка с нищебродом. На них и чар-то никаких нет. Это они, а это чучело под моими

ногами – Поттер. — Не уверен, — сдавленно говорю я, думая только о том, что меня вот-вот стошнит от страха. Если я еще раз пронаблюдаю чье-нибудь убийство, то стану не лучше дементора. Кажется, Беллатриса готова взвыть от разочарования. Она-то думала, что преподнесет Повелителю Поттера и продемонстрирует свои нежные чувства к этому змееподобному. Как же противно… Меня все-таки выворачивает в углу гостиной, и, подняв голову, я понимаю, что пленников увели. Осталась только Грейнджер. Ну, конечно, Беллатриса не упустит шанс помучить грязнокровку. — Круцио! – хохочет она, и Грейнджер выворачивает наизнанку, она кричит дико и надрывно. Крик эхом прокатывается по поместью. И я корчусь в своем углу, вспоминая, как невыносимая боль выкручивала мои суставы. Наверное, в тот день я сошел с ума. Меня сломали. Поломанная кукла, которая никому уже не нужна. Еще крик. Замираю, скрючившись на полу. Интересно, а Поттер слышит, как вопит его подружка? Тебе больно за нее, Поттер? Больно?! Ты знаешь, что такое смерть, но ты понятия не имеешь, что значит боль… А я вот знаю. Но я один. У меня есть только твои глаза. Но и это у меня собираются забрать. Я помню, Поттер… я все помню. Больничное крыло, легкое невесомое касание теплых пальцев… Я не был один тогда. Но ты умрешь, а я вернусь в свою ледяную скорлупу, чтобы

выживать в невыносимом одиночестве… нет… не хочу… может, меня сейчас убьет какое-нибудь шальное заклятие? Ну, пожалуйста, это же так просто. Слышу шум. Поттер и рыжий. Выбрались все-таки. Ну, кто бы сомневался. Злобное ликование заполняет душу. Теперь можно бороться. Выползаю из угла на трясущихся ногах. Беллатриса держит под прицелом Грейнджер. А я смотрю тебе прямо в глаза. Хочу запомнить. Отец хочет дотронуться до метки. Уродство. … Но не успевает. На нашей люстре, красивой, что когда-то дарила свет и причудливые, сказочные тени на стенах гостиной, раскачивается наш, то есть уже не наш, конечно… домовик Добби. Дальше все как в тумане. Люстра падает, С Поттера сползают остатки магии, мощным экспеллиармусом он выбивает палочки из рук Беллатрисы отца, меня. Машинально подбираю, может, хоть теперь этот идиот, наконец, исчезнет отсюда живым? Но грязнокровка услужливо напоминает, и Поттер послушно вырывает все три из моих рук. Теперь его заклятья, многократно усиленные, позволяют прикрыть их отход. Беги, Поттер. Беги. А я запомню этот безумный взгляд в свою сторону. В нем не было ненависти. Только боль. Отражение моей собственной боли. Отражение одиночества. Никогда не думал, что мы так с тобой похожи, Поттер…

Когда взрослые врут

Мистер Малфой идет, как всегда, гордо выпрямившись. А Скорпиуса не видно. Он, наверное, остался там, во дворе. Покосившись в сторону удаляющейся спины, Альбус кидается наружу и замирает перед Малфоем-младшим, светлые волосы которого смешно прилипли к щекам от снега. — Скорпи, — срывающимся шепотом произносит Поттер. — Скорпи… Скорпиус смотрит на него задумчиво, со странным выражением лица, будто понял что-то очень важное и именно сейчас. — Чего тебе? – спросил тихо, нервно потеребил зеленый отворот мантии. — Ангус... – выдавил из себя Поттер еле слышным шепотом и заглянул Скорпиусу прямо в глаза своими огромными и умоляющими, — ты позаботься о нем, ладно? Пожалуйста... Скорпи... ну мне некого больше попросить… ты же знаешь, где он? Ты же не выкинешь его, правда?.. Я верю тебе, — серьезно произносит новоявленный драконозаводчик, на секунду прикасаясь к мокрому от растаявшего снега плечу. Скорпиус промолчал, изучая носы своих ботинок. — Ты не волнуйся за меня, слышишь? И придумай что-нибудь. Не бойся, я придумал, как мне добраться до папы. Ты не думай, я не дурак аппарировать... просто поверь мне и позаботься об Ангусе, прошу тебя… Скорпиус посмотрел на Поттера чуть удивленно и неожиданно кивнул. А может, просто слишком устал и замерз, чтобы с ним спорить. А Альбус понял, что времени совсем не осталось и, бросив последний умоляющий взгляд в сторону Малфоя, рванул вперед по коридору. Чем Альбус не отличался, так это ростом. Небольшой и щуплый для своих 12 лет, он постоянно путался в слишком длинной мантии. Наверное, маме не верилось, что он такой невысокий по сравнению с Джеймсом, и она покупала мантию всегда чуть длиннее, чем нужно. И теперь вместо того, чтобы просто и степенно изъяснить свою просьбу единственному человеку, который действительно мог хоть немного помочь, Альбус просто растянулся прямо ему под ноги, в очередной раз запутавшись в проклятой мантии. — Поттер? – ни капли удивления. Лишь холодный, отстраненный вопрос. «Какого хрена ты тут валяешься?» — перевел Альбус про себя и усмехнулся. Нет, определенно, Драко Малфой ничему не удивлялся. Упрямо закусив губу, Альбус встал и отряхнулся. Малфой терпеливо ждал, все так же пристально на него смотря. — Помогите… — вдруг прошептал Альбус, вцепившись в его руку. — Помогите! — Да о чем ты, убогий? — мистер Малфой брезгливо потряс рукой, словно пытаясь стряхнуть насекомое. Не

опасное, но противное. — Помогите аппарировать... – сдавленно произнес мальчик, изо всех сил сцепив побелевшие пальцы на черном дорогом сукне. — Чего?.. – изумленно произнес Драко и тут же в прежней манере спросил: — Куда? — В Мунго. К отцу, – тихо ответил Альбус, понимая, что все это была безумная затея. Малфой не поможет. А он сам действительно попадет к в Мунго частями. Скорпиус прав. Как же больно. Что же это за боль такая в груди? «Папа…» — прошептал Альбус, чувствуя связь с отцом. Он ждет его. Альбус точно знает, что ждет. Но за ним никто не придет. Ни тетя Гермиона, ни дядя Рон, ни мама тем более. Они все считают, что детям не место у кровати больного. А крестный не может уехать из Хогвартса. — Из Хогвартса нельзя аппарировать… — задумчиво произносит Малфой. И Альбус вскидывает свои невозможно зеленые глаза, которые мгновенно вспыхивают искренней, детской надеждой. — Я знаю, — тараторит он, — знаю, знаю, знаю.. но ведь.. можно же.. пройти за территорию.. я могу.. у меня есть. Я могу пройти. Только помогите потом. Пожалуйста, мистер Драко… Малфой вздрагивает от этого детского и простого «Драко». В памяти еще свежо воспоминание о теплой тяжести между лопаток, там, где Скорпиус уперся в его спину лбом. Он ведь так и не поднял рук, чтобы просто погладить сына по голове. И он неожиданно просто машет рукой, приглашая Альбуса следовать за ним. Поттер быстро и без слов натягивает мантию, и теперь Малфой идет к выходу будто бы один. Но он слышит дыхание за спиной. Он слишком часто слышал дыхание за своей спиной, не видя человека под мантией. Сколько же лет прошло? Альбус совсем не Гарри Поттер. Он – другой. Но, черт, кажется, Драко начинает привязываться к мальчишке. И это странно, если учитывать, что он никогда и ни к кому не привязывался в жизни. Смысл существования – сын, а раньше... Но юношескую любовь вряд ли можно отнести к привязанностям. Тем более такую. Скорей уж к болезням, что сродни средневековой чуме. Драко усмехнулся и невольно поднял воротник зимней мантии, выйдя на холод из замка. * * * Скорпиус спустился в спальню факультета и понял, что порядочно продрог. Быстро миновав гостиную, он остановился возле двери в спальню. — Скорпиус, идем сюда! – позвала Адель, которая сидела в зеленом кресле возле камина, уютно поджав длинные, стройные ноги. — Да, Скорп, давай к нам! – откликнулся Гойл, вертя в руках колоду карт. — Нет, что-то не хочется… — пробурчал Малфой. — А где твоя извечная тень — Поттер? – хохотнул Нотт, и все остальные слизеринцы в гостиной рассмеялись удачной шутке. И, правда, где? Сказал не волноваться и исчез. Черт! Несносный недоумок! — И правильно

не хочется, Малфой, – потягиваясь, с дивана встает Угхарт и, оглядывая Скорпиуса с ног до головы, понимающе хмыкает. — Ты где был? — У директора. — А там что, снег идет, у директора? С тебя уже лужа натекла, — Угхарт работает на преданную публику, и публика радостно внимает своему предводителю. — У Кошки окно открыто… — рассеянно говорит Скорпиус, лихорадочно соображая, как же отделаться от сокурсников и посмотреть, чем занят поттеровский Ангус, чтоб его фестралы сожрали… Может, он вообще из коробки вылез. Поттер — идиот. Надо было его в хижине оставить…. — Пятьдесят баллов, Малфой, — тихо произносит Алекс Принт с пятого курса. И Скорпиус понимает, что не простят. Баллы Слизерин набирает тяжело. Обогнать другие факультеты практически невозможно. На него накатывает злость. Все из-за Поттера. Все не так! — И кто виноват в этом? – спрашивает Нотт. — Ты? Или все-таки недоносок-Поттер? Около двадцати пар глаз наблюдают за ним с холодным ожиданием. Скорпиус нервно сглатывает, чувствуя, что узел галстука невыносимо давит на шею. Давно надо было его снять. Черт... малфоевская привычка – всегда быть при параде. Скорпиус чуть заметным движением стискивает пальцы на узле и пытается оттянуть удавку от шеи. Он поднимает тяжелый взгляд и думает, что его ответ вряд ли придется по душе кому-то из присутствующих. И что жизнь Альбуса Северуса Поттера в Слизерине станет еще невыносимей. Но у него нет выбора… * * * Драко Малфой вышел к окраине Хогсмида. Здесь кончался антиаппарационный барьер, и можно, наконец, оставить позади Хогвартс и все проблемы с ним связанные. Однако еще одна маленькая, но крайне назойливая проблема упрямо дышала ему в спину. Вздохнув, Драко полез за сигаретами. Чертов Поттер. Покосившись на Альбуса за своей спиной, который уже стянул мантию-невидимку, Драко поправился. Старший Поттер. Именно по его вине Малфой закурил. Из-за него вообще много чего случилось в жизни Драко Малфоя, но сейчас об этом лучше не думать. А ведь он может просто бросить здесь нахального мальчишку и аппарировать без него, а он пусть идет обратно в школу, пока не хватились. Но мальчишка невероятно упрям. Он ведь просто попытается аппарировать самостоятельно и наверняка не умеет, а значит, просто будет расщеплен на куски. И он, Драко, будет в этом виноват. А ведь Альбус одного возраста со Скорпиусом. А еще невероятно, чудовищно похож на своего отца. Он не смог предать эти глаза много лет назад. Не сможет и сейчас. Сгорбившись, будто на его плечи разом лег непосильный груз, Драко протянул руку Поттеру-младшему и сухо сказал: — Сюда, Поттер. Альбус неуверенно шагнул навстречу. Он

чувствовал себя неуютно рядом с этим замороженным человеком. Нет, он не боялся отца своего друга, просто он порой не понимал, как себя с ним вести. — Ближе, Поттер, — усмехнулся Малфой, мгновенно ощутив неуверенность мальчишки. Поттер медлил, пристально всматриваясь в серые глаза. Малфой рывком притянул его ближе и с тихим хлопком аппарировал ко входу в больницу св. Мунго. Чихнув от незнакомого запаха терпкой туалетной воды, Альбус резко отпрянул от Малфоя-старшего и огляделся по сторонам. — Я здесь уже был, — произнес он задумчиво, — папу навещали. Он уже попадал в переделки, но не так как сейчас. Сейчас что-то происходит… Я чувствую… — безжизненно проговорил Альбус и с досады подкинул носком ботинка мягкий, только осевший на мерзлой земле, снег. Малфой внимательно посмотрел на Альбуса, который нахохлился, как какая-нибудь птица зимой. Волосы растрепались, на щеках – лихорадочный румянец, в глазах – несгибаемое упрямство. — Что теперь? – насмешливо протянул он, невольно восхищаясь мальчишкой, его желанием быть рядом с отцом любой ценой. «Ну, хотя бы одного сына ты воспитал нормальным…» — подумал Малфой и внезапно понял, что его симпатии к младшему Поттеру абсолютно искренни, и он ничего не может с этим поделать. — Я не знаю, — пожал плечами Альбус с самым независимым видом. — Пожалуй, я пойду, — и гордо вскинув лохматую голову, направился ко входу в лечебницу. На входе, его остановила колдомедсестра. — С кем ты, мальчик? – строго спросила она, давая понять, что одного его не пропустит. — Со мной, – спокойно ответил Драко, положив ладонь на плечо мальчика. Альбус вздрогнул и покосился на руку с изящным фамильным перстнем на мизинце. Как у Скорпиуса. — Да? – с сомнением проговорила медсестра, осматривая странных посетителей. — Да, – пискнул Альбус, подумав, что подтвердит все, что угодно лишь бы его пропустили. — Я к… — начал он. — Нам туда, – рука на его плече властно сжалась, не давая возможности договорить. Идя по длинному коридору, Драко сказал с легкой насмешкой в голосе: — Неужели ты думаешь, что если ты произнесешь «Поттер», тебе позволят пройти? К аврору наверняка никого не пускают. И если вас не забрали из школы, почему ты думаешь, что кто-то сейчас будет рад твоему присутствию здесь? — Отец будет рад, – мрачно проговорил Альбус и исчез под мантией невидимкой. — Ладно, – проговорил Драко в пустоту, — иди, упрямое, нахальное создание. И пусть тебя остановит целый взвод рыжих у порога и вернет в школу. Рядом раздалось веселое фырканье, и Малфой невольно улыбнулся. Альбус блуждал по больничным коридорам уже около получаса, но нигде не мог

найти ни отца, ни своих рыжих родственников. Наконец, услышав знакомую фамилию он остановился и прислушался к разговору колдомедика и.. тети Гермионы. Точно она! — Это слишком тонко, миссис Уизли, — устало втолковывал медик тетке Альбуса, — подпитку может обеспечить только очень близкий человек, связанный с мистером Поттером кровными узами или какими-либо другими… — Но я.. но мы, мой муж.. мы же близкие друзья.. почему мы не можем помочь Гарри? — Не можете, — покачал медик головой, — никак не можете. И это было бы слишком опасно. Любой, кто подойдет близко к Главному аврору, мгновенно станет энергетическим донором. Но. Если энергия будет чужеродной, то есть, если ее обеспечит маг, никак не связанный с мистером Поттером, то возможен летальный исход или необратимое магическое истощение обоих. Хотите рискнуть? – предложил он любезно. — Я… Боже.. Джинни… — Гермиона Уизли просто не нашла слов. — Миссис Поттер давно и безнадежно больна. И вы об этом знаете. Вряд ли она может сотворить даже простейшее заклинание. Она не может быть донором. Ей нечего дать. — Мама! – вскрикнул Альбус, вздрагивая всем телом. — Мама! – закричал он и, уже не скрываясь стянул с себя мантию-неведимку, чтобы броситься на Гермиону: — Ты… ты, – захлебывался он криком, — ты ничего не сказала мне! Почему, Гермиона, почему?! — Ал… – потрясенно прошептала миссис Уизли и инстинктивно прижала племянника к себе, плохо соображая, откуда он здесь взялся. — Вы врали! Вы все врали! Мы же можем стать донорами – я, Джеймс, Лили! Нас же трое! Мы же можем помочь отцу, а он спасет маму. Спасет, спасет… – зашептал Альбус быстро в плечо своей тетке. — Альбус, — ласково прошептала Гермиона, подумав, что выяснять обстоятельства, по которым Поттер-младший оказался в Мунго, будет потом, — вы совсем дети. Ваша магия нестабильна. Она может уйти к отцу и не восстановиться. Разве отец хотел бы видеть вас сквибами? Разве мы можем решать за него? — Пусть! – крикнул Альбус и с нечеловеческой силой рванулся в палату, уверенный, что отец там. Он не ошибся. — Ал, стой! Держите же его кто-нибудь! Не дайте подойти! – заорал колдомедик. Откуда-то появился Рон Уизли, рванулся следом за племянником, но не успел. Никто не успел. Альбус шагнул за незримый барьер и рухнул рядом перед отцом на колени, как подкошенный, почувствовав сильную слабость. А вокруг стояли близкие и родные люди, но никто не мог помочь. И колдомедик наблюдал молча и мрачно, как мальчишка теряет сознание. А еще он чувствовал некоторое облегчение. Если бы сын Гарри Поттера не появился так внезапно и нелепо, то к вечеру магический мир

оплакивал бы кончину своего Героя.

Глава 6

Он наотмашь бьет меня по щеке. И еще. И еще. Пощечины отдаются звоном в голове, а я смеюсь. Истерический хохот, который пугает меня самого. Будто кто-то смеется со стороны.
— Ты с ума сошел, Малфой, — выдыхаю я, даже не уворачиваясь, болтаясь в его руках пыльным мешком. И снова смеюсь. Страшно. Безумно.
— Точно сумасшедший, — говорю я, смотря в безумные серые глаза, в лицо, что исказила гримаса страха и отчаянья. — Хочешь умереть, герой? – спрашивает тихо, шипяще. Да ладно, Драко. Я не боюсь. И не надо так нависать. Я парселтанг Волдеморта переношу спокойно – что мне твое злобное шипение?..
— Хочу, – отвечаю спокойно, дрожь унялась, как и истерика. Словно его пощечины вернули меня к жизни. Заставили снова ощущать реальность, в которой я должен умереть. За всех. И я понимаю, что действительно хочу. Что я устал. Я все еще чувствую запах пушистых волос Гермионы - когда-то они пахли мятой, но теперь только гарью и грязью. И какая-то детская, неуместная обида - Рон так и не обнял меня на прощание. Он даже не подошел, просто смотря глазами побитой собаки, словно не веря в происходящее. Я понимаю его. Он не хотел прощаться. Но я-то хотел. Я-то знаю, что ухожу на смерть, а им еще воевать. Им еще

бороться с этим злом и жить. Мне становится нестерпимо жаль своих друзей. Я поднимаю глаза на своего бывшего школьного врага. Сколько лет мне понадобилось, чтобы понять, что враг у меня только один?.. Волдеморт. Ни Снейп, ни тем более Драко никогда не были врагами. А первый… меня опять начинает трясти, когда я вспоминаю, как умирал профессор. Слез нет. Малфой сползает по стене прямо на пол. — Герой, да?! Ты, скотина, снова решил всех спасти?!!! – он вдруг вскакивает на ноги и снова кидается на меня, сбивая с ног, пиная ногами. Ну уж нет, Малфой. Хочешь забить меня до смерти? Я должен дойти до Волдеморта живым. Он должен сам убедиться в моей смерти. Он должен сам уничтожить свой крестраж. Резко отталкиваю его, он падает навзничь и смотрит в потолок, запрокинув голову. Теперь уже он смеется. Дико смеется, по грязным щекам ползут слезы. Сажусь рядом и вытираю его лицо тыльной стороной своей перепачканной ладони. — Ты не уйдешь, – вдруг говорит он и садится рядом, — не уйдешь, — повторяет тише, в глазах снова безумие. Его руки дрожат, улыбка похожа на оскал, под глазами темные тени. Звереныш. Закрываю глаза и стискиваю дрожащие пальцы. Страх уходит, уплывает по кончикам пальцев. И за это я готов сказать Малфою «спасибо». Но я этого не говорю. Я вообще молчу, просто слушая, как колотится сердце…

Ангус показывает когти

— Уйди и не мешай. — Я не пущу тебя к Гарри. — Ну конечно, не пустишь, ты, грязнокровная сука… — Не смей! Не смей!!! — Успокойся. Ты должна понять, Грейнджер. Пропусти. — Нет! — Ты хочешь, чтобы ваш маленький Поттер остался сквибом? Или ты ждешь летального исхода? — Нет… нет… нет... не знаю… — Пропусти, Грейнджер. Никто не узнает. * * * Скорпиус проснулся от того, что кто-то возился под его кроватью. Устало потерев глаза со сна, он осторожно сдвинул полог в сторону и заглянул под кровать, изо всех сил стараясь не шуметь. Большая поттеровская коробка из-под сладостей тихонько двигалась в сторону кровати Гойла. — Ангус… — злобно зашипел Малфой, пытаясь достать коробку рукой, не слезая при этом с кровати. Коробка двигалась, а сидящее в ней шуршалось и скреблось изо всех сил. — Ангус, вернись… — черт, ну за что ему это? Такой же идиот, как и его пропавший хозяин! Гойл спал, свесив одну руку до пола. Коробка как раз поравнялась с его рукой. Скорпиус соскочил с кровати и кинулся к Гойлу, чтобы водворить возмутителя спокойствия на место. Гойл что-то поворчал во сне и резко припечатал рукой коробку к полу. — Ох... – сдавленно выдохнул Скорпиус и попытался оттащить картонный ящик с его неугомонным обитателем в сторону. Раздался тонкий визг. Винсент заворчал во сне и отпустил, наконец, злосчастную коробку. Не вытерпев, Скорпиус тут же приоткрыл крышку, чтобы удостоверится, что драгоценный приемыш не пострадал. Из приоткрытой коробки показалось очаровательное серебристое рыльце, и Ангус с возмущенным шипением цапнул Малфоя за палец. — ТВАРЬ!!! – завопил Скорпиус, не забыв, однако, запечатать коробку обратно. Однокурсники мгновенно вскочили. За исключением Винсента Гойла, конечно. Этого ничем не разбудить. — Ты чего верещишь, Малфой? — подозрительно поинтересовался Нотт, нашаривая палочку на тумбочке. К тому моменту, когда он прошептал: «Люмос», Скорпиус закрылся со взбесившейся коробкой в ванной комнате. — Все нормально, — прокричал он из-за закрытой двери, — все нормально… мне кошмар приснился. — Кошмар? – задумчиво переспросил Джон, — у кровати Гойла? Да... ну его и занесло. Эй, Малфой! Ты чего, ходишь во сне? — Нет! – задорно прокричал голос из ванной и раздалось приглушенное: — Вот тебе, получи! — С кем разговариваешь? – снова спросил Нотт, недоуменно переглянувшись с Забини. — Сам с собой!... Ну ты и сволочь!!!! АААА!!!! — Может за Помфри сбегать? – спросил Забини. — Ты

побежишь? – спросил Чарли. — Нет, – ответил Джон и улегся обратно, — что-то неохота. Утром оклемается. Не знал, что Малфой –лунатик. — Поменьше общайся с Поттером, Скорп, – «заботливо» прокричал Чарли Нотт и тоже решил спать. Через несколько минут из ванной вышел Скорпиус Малфой и прошмыгнул в свою кровать. Если бы кому-то пришло в ум заглянуть в эту ночь в спальню второкурсников Слизерина, а именно за полог Скорпиуса Малфоя, то он бы очень удивился, увидев, как на груди спящего слизеринца уютно свернулся калачиком серебристый дракончик. Ангус наотрез отказался забираться обратно в коробку. Утром Скорпиус проснулся абсолютно разбитым. Из-за твари на груди он всю ночь не мог повернуться и каждый раз просыпался от глухого, утробного ворчания. Проклиная Поттера, свое обещание и вообще все на свете, Малфой понял, что Ангуса придется кормить. Кормить желательно чем-то, что он будет есть. Потому что скармливать свои пальцы чудовищу он не собирался. Силком запихав норовистое существо обратно в коробку, не обращая внимания на обиженное нытье, Скорпиус клятвенно пообещал питомцу, что обязательно, всенепременно принесет ему поесть что-нибудь мясное. Как только доберется до Большого зала, конечно. В Большом зале он наткнулся на тяжелый, пасмурный взгляд Джеймса Поттера, который словно ждал каких-то объяснений. Зато Лили Поттер сама подбежала к Малфою и приветливо улыбнулась: — Привет, Скорпиус. Доброе утро! – ее голосок зазвенел тонко и приятно. — Не совсем доброе, Поттер, — машинально ответил Скорпиус и понял, что очень волнуется за Альбуса. Что уже не просто злится на неугомонного, а по-настоящему переживает за него. «Этого еще не хватало!» — со злостью подумал Скорпи и решил поскорее вспомнить, сколько хлопот ему стоила поттеровская затея притащить серебряного дракона в Хогвартс. — Я знаю, где Ал. – серьезно сказала девочка и задумчиво накрутила кончик длинной, медной косы на палец. — Меня это не интересует, — степенно проговорил Скорпиус и, аккуратно отодвинув Лили с дороги, сел за слизеринский стол. Лили стояла посреди зала, ошарашено моргая, пока мрачный Джеймс не окликнул ее и не увел за собой, буквально потащив за острый, худой локоть к гриффиндорскому столу. Почему-то Скорпиусу показалось, что Лили Поттер хотела бы сесть с ним и поделиться своими новостями, но он тут же убедил себя, что это ему лишь показалось, так как Лили сидела между Джеймсом и Розой и выглядела хоть и осунувшейся, но вполне бодрой. Незаметно стащив из-за стола пару кусочков ветчины, Скорпиус, чувствуя себя по меньшей мере преступником, соврал что-то

однокурсникам о необходимости перед историей заскочить в спальни. Чарли посмотрел на него как на сумасшедшего – Малфой отличался особой педантичностью и забывать что-либо, чтобы потом за этим возвращаться, было совершенно не в его манере, но промолчал, видимо, вспомнив странный ночной эпизод. Кому нужны чужие проблемы? Если с Малфоем что-то не так – пусть лечится. Наскоро покормив Ангуса, Скорпиус понял, что дракончик не отказался бы от добавки. Укушенный ночью палец противно ныл. — Но-но! – погрозил он питомцу, — не смей на меня так смотреть. Вот будет перерыв, и я еще чего-нибудь тебе принесу. Скорей бы Поттер вернулся и забрал тебя к себе. А я от тебя устал. – пожаловался он дракончику, который с самым умильным выражением терся мордочкой о его руку и жмурился от удовольствия. Лезть в коробку он наотрез отказался, и Малфой понял, что придется таскать тварь за пазухой. Почувствовав смутную тоску, Скорпиус понял, что должен что-то узнать про Альбуса. Что там поттеровская малявка пищала? Она знает, где неугомонный? Ну, так пусть расскажет… Заметив Лили во время перерыва в одном из коридоров, Скорпиус не раздумывая шагнул к толпе красно-золотых. — Лили! – позвал он, но вместо Лили перед ним нарисовался старший из детей Поттеров и, пользуясь заметной разницей в росте и комплекции, угрожающе навис над Малфоем. Скорпиус смерил его долгим, колючим взглядом и спокойно спросил: — Я могу поговорить с твоей сестрой? — Нет. — Она сама хотела мне что-то сказать. — Нет. — Слушай, гоблин, — вскипел Скорпиус, — дай мне поговорить с Лили. — Зачем? – Поттер сложил руки на груди и чувствовалось, что в окружении своих друзей ощущает себя хозяином положения. Неизвестно чем бы все это закончилось, когда появилась Лили Поттер. — Уйди, Джимми, — ласково проговорила она, — он – друг Ала и может знать, что случилось. — Он ему не друг, — фыркнул Джеймс. — А это не тебе решать, – ухмыльнулся Скорпиус в ответ и, кивнув Лили, жестом предложил отойти в сторонку. – Джеймс мрачно посмотрел в их сторону и, развернувшись, коротко бросил Лили: — Давай быстро, Ли, и на урок. — Да, Джим, — послушно кивнула девочка и показала язык, когда Джеймс отвернулся. Этот детский жест выглядел так трогательно и мило, что Скорпиус улыбнулся второй раз за утро. — Где Ал? — Он в Мунго, — ответила Поттер и прикусила губу, — вчера я была у профессора Лонгботтома в его комнате. Он давал мне пить что-то жутко горькое. Говорил, что это успокоительное… ой… ты бы знал, какая же все-таки гадость… — Ближе к делу, Поттер, — осадил поток ее красноречия Скорпиус, и девочка вздрогнула от его ледяного, официального тона. — Ну, я сидела на диване, а тут сработал

камин. Там был дядя Рон, но он меня не заметил сначала. Он сразу заорал на профессора: «Как ты мог отпустить его?! Куда смотрел?!» и все такое. Я сразу поняла, что речь про Альбуса, тем более, спустя некоторое время, дядя Рон сказал «Альбусу теперь тоже никто не может помочь». Профессор испугался, и я, если честно, тоже. Но дядя Рон рассказал про то, что Альбус стал донором для папы. Что если бы не он, папа бы... – Лили всхлипнула и подняла умоляющие глаза на Скорпиуса, словно прося его додумать конец фразы самому, чтобы ей не произносить этих страшных слов. Скорпиус машинально кивнул, силясь понять, во что вляпался Альбус Поттер на этот раз. Но самое страшное было то, что он абсолютно не знал, как ему хоть немного помочь. — И что? Прекрати реветь! – сказал Скорпиус достаточно резко для того, чтобы Лили испуганно замолчала. — Альбус… он с папой, — проговорила она тихо, — он должен был потерять сознание и впасть в кому – так колдомедики сказали, ведь папе нужно гораздо больше магии, чем он может ему дать. Но потом вдруг стало нормально. И Ал теперь просто с папой, который, скорей всего, скоро очнется. Вот! Скорпиус и не заметил, как начал улыбаться. Действительно, разве мог Поттер-младший не выйти сухим из воды. — Чертов Поттер... – прошептал Скорпиус и почувствовал, как острые коготки впились ему в живот. — Что с тобой?... Скорпиус.. что… — Лили внимательно смотрела на согнувшегося пополам Малфоя большими испуганными глазами. — Все нормально, — проговорил Скорпиус, а из глаз брызнули слезы. Ангус, зараза, видимо решил проскрести в нем дырку. Скорпиус постарался не думать о том, что стало с новой дорогой рубашкой и не менее дорогим джемпером. Конечно, денег в семье Малфоев не считали, но к вещам относились аккуратно. — Я же вижу – что-то не так… В чем дело? – Лили покраснела от гнева и обиды и топнула ногой, выражая разочарование и нетерпение. — Я же сказал - все нормально, малявка! – в своей обычной манере протянул Скорпиус и торопливо сунул руку за пазуху, так как выносить когти на своем животе больше не было сил. Глазастая Лили мгновенно оценила ситуацию. — У тебя там кто-то есть! Точно есть! — Ну, есть… — пробурчал Скорпиус, злорадно думая, что пусть теперь Поттер сам разбирается со своей не в меру любопытной сестрицей, и чуть пошевелил плечом, убирая в сторону мантию. Забавное рыльце Ангуса тут же показалось из-под мантии, и темно-синие глаза уставились прямо на Лили Поттер. — Ой... – пискнула девочка, разом забыв все слова. — Это Ангус, знакомься. Его притащил твой брат. Зачем - спросишь у него, когда вернется. — Где же ты его держишь? — Лили сложила

губки буквой «О» и задумчиво погладила дракончика по серебристой голове. Ангус довольно заурчал. — Здесь, — фыркнул Скорпиус, указывая на мантию. - Он не хочет находиться один. Он меня оцарапал. И вообще я хочу его отнести туда, откуда Альбус его приволок. Лили подняла глаза и вопросительно изогнула брови. — Из Визжащей хижины. – нехотя признался Малфой под ее пристальным взглядом. — Тебе же учиться надо, и за ним надо присматривать, — рассудительно сказала Лили, полностью забирая Ангуса на руки. Теперь тонкие пальчики гладили его вдоль хребта, и Ангус дремал, блаженно прикрыв глаза. — Вот именно, — недовольно поглядывая на мирную картину, ответил Скорпи. Почему-то захотелось Ангуса обратно. А вдруг малявка что-нибудь не так сделает, и ему будет больно? — Ладно, — решительно прикусив губу, произнесла Лили, — я тебе помогу. * * * Альбус очнулся в темноте. Только слабый свет из коридора и от окна проникал в палату, где он находился. Рядом он слышал размеренное спокойное дыхание. Отец. Альбус улыбнулся. Ему не было жаль своей магии. Ни капли. Лишь бы все стало как было. Лишь бы мама вернулась домой вместе с ними. И приехав на рождественские каникулы, он бы увидел всю семью за столом… Что-то неприятно отозвалось в душе. Предчувствие. Альбус понял, осознал, что так больше никогда не будет. Не может быть. Их семья была слишком счастливой. Лимит исчерпан. Когда-то они были нерушимым целым, но теперь счастье у каждого свое… У Джеймса – друзья, квиддич, у него, Альбуса, есть Скорпи и Ангус. У Лили – первый курс, полный необыкновенных чудес. Они все вместе и по раздельности. Между ним и братом – пропасть. Как так вышло? Джеймс не понимает его. И никогда не поймет, что нельзя навешивать на человека ярлыки: ты – гриффиндорец, значит, хороший, а слизеринец – значит, тебе нельзя доверять. Эти границы, определенные очень давно, положили начало вражде, которая гораздо глубже просто насмешек за завтраком и на квиддичном поле. И недавняя война сделала эту вражду только крепче. Она вросла в них своими ядовитыми корнями, она обвила их, словно ядовитый плющ … Внезапно Альбус понял, что дыхание отца стало другим. Он повернул голову и встретился с ясным взглядом зеленых глаз. Таких же, как у него самого. Несколько секунд отец и сын молча изучали друг друга, пока Гарри Поттер не проговорил пересохшими, обветренными губами: — Ал… — Пап? – спросил Альбус, словно не веря, и резко метнулся на кровать Героя, что стоило немалых усилий из-за сильной слабости. Гарри обнял сына и прошептал в темные, непослушные волосы: — Все хорошо, Ал, все нормально… —

лихорадочно при этом соображая, как младший сын оказался в его палате, ведь он должен быть в Хогвартсе. Сработали сигнальные чары. В палату ворвалась растрепанная Гермиона Уизли. Она крепко обняла обоих Поттеров и, плача, шептала что-то о том, какие же они идиоты. И первый, и второй. Появившийся следом Рон Уизли мрачно посмотрел на Ала и сообщил Гарри: — Невиллу ноги повыдергаю, что б за крестником лучше приглядывал. — Не надо, Рон, — серьезно сказал Альбус, улыбаясь счастливой и идиотской улыбкой, — он же все-таки профессор… Все облегченно рассмеялись, выплескивая скопившееся за эти дни напряжение. Никто не заметил тень у двери. Когда-то красивая, а теперь просто изможденная женщина куталась в свою серую шаль и не улыбаясь смотрела на происходящее в палате. Ее выцветшие карие глаза смотрели цепко и с горечью, тонкие губы не улыбались. Постояв несколько секунд, она ушла.

Глава 7

— Гарри Поттер мертв! – кричит он. Кричит во все мощь своих истлевших легких, кричит, словно в этом смысл жизни. Нет здесь никакого смысла. Не верю. Хоть и знал, что ты ушел умирать. Ты, сволочь!!! Ты… ты… Гриффиндорская скотина, как ты посмел оставить меня здесь?!! Ты всех кинул, долбаный Мальчик-который-теперь-не-выжил!!!!! Ненавижу… Поттер, Поттер… Гарри… Что-то разрывает изнутри, последние чувства и эмоции уродливым комком грохаются мне прямо под ноги, чтобы толпа разъяренных хогвартцев протопталась по ним, торопясь увидеть поверженного героя своими глазами. Отталкиваю кого-то с пути, выхожу наружу. Меня трясет. Вокруг обломки, руины надежного прежде пристанища. Предательница крови - мелкая Уизли -спрашивает, словно не веря тому, что видит: безвольное тело в огромных руках полувеликана: — Кто это, Невилл?! На руках у Хагрида?! Кто?! – а что, рыжая, братец не рассказал тебе, как отправил Гарри Поттера умирать, нет?.. Он пожалел твою бедную, детскую психику, деточка… Девчонка бьется в истерике. Бешено, нестерпимо, до белой ярости в глазах ненавижу ее.

Она рыдает в голос. Грязнокровка Грейнджер и твой рыжий дружок застыли со

скорбными лицами. Такие у вас были лица, когда вы отправляли его на смерть?!!! Такие?!! Лицемеры! Вы все лицемеры, ненавижу! Вы, вы отпустили его. И я. Тоже отпустил. — Глупая девчонка… — довольно скалится Лорд. – Гарри Поттер – мертв, — повторяет он четко, по слогам. Чтобы осознали. Прониклись. — Но вы еще можете спасти свои жизни, присоединившись к нам, — говорит он под победные смешки Пожирателей за своей спиной. А я смотрю на тебя. Тебя нет. Надежды нет. Вы слышите, нет надежды для всех вас! Вы возомнили, что сможете победить Лорда без Поттера?! Вы поплатитесь за это заблуждение. А мне все равно. Меня нет. Ничего нет. Пустота. Сквозь звенящее ничто прорывается когда-то властный, а теперь надломлено-скрипучий голос отца: — Драко! Драко! Кажется он зовет меня… Нет, отец, прости. Я больше никогда не пойду за тобой. Твоя гордость, твоя послушная кукла сломалась. Окончательно. — Драко… — мама… мама… В голове будто взрывается что-то, словно обломки каменной стены, окружающей меня, рушатся. — Драко… иди сюда… — слезы прорываются сквозь показное равнодушие и никчемную скорлупу, в которой я прожил семнадцать лет. Я не могу смотреть на тебя. Поэтому смотрю на мать. В ее глаза. И иду только к ней. Она — все, что есть у меня. Я держусь за этот встревоженный материнский взгляд. Держусь,

чтобы не сорваться в пропасть, ведь меня больше нет. — Отличный выбор, Драко. – красноглазый ублюдок изображает отеческие объятья. Я – снова камень. Я не чувствую даже омерзения. Хотя должно быть противно до скрежета в зубах. Еще шаг. И я падаю в руки Нарциссы, надеясь, что она сможет удержать меня. И понимаю, что не зря проделал этот путь. Не зря шел на деревянных ногах к матери. Она обнимает меня, легко и невесомо касается губами самого уха, и я слышу: — Он жив, Драко. Ты слышишь? Он жив. И я понимаю, что знал это. Потому что я тоже – жив.

Злой профессор

Лили Поттер ворвалась в хижину Хагрида, как всегда быстро и стремительно, за ней, задумчиво переглядываясь, шли Роза и Хьюго. — Хагрид! – закричала она, едва переступив порог хагридовой избушки. — Лили! – взревел лесничий, легко поднимая девочку и подкидывая в огромных руках, как в детстве. Лили рассмеялась звонким, довольным смехом. В мире маленькой Поттер все было прекрасно. Папа выздоравливает, брат скоро вернется в Хогвартс, рядом – друзья. Хьюго обиженно надулся – он тоже любил сидеть на руках у Хагрида, но считал, что уже вырос из этого возраста. А сейчас очень захотелось быть на месте Лили. Хагрид смеялся, в глазах застыли слезы – он очень любил детей Поттеров и Уизли. Любил, как своих собственных, которых у него никогда не было. И теперь, усадив Лили на одну руку, другой он заграбастал Хьюго, который покраснел и попытался сказать что-то протестующее. Но вскоре сдался и тоже весело рассмеялся. Домовитая Роза уже рылась на полках, расставляя на столе съестное. Она привыкла хозяйничать у Хагрида. В отличие от других своих братьев и сестер, она не выносила «телячьи нежности» и смотрела на подобное проявление чувств с абсолютно недетским снисхождением. Никому бы и в голову не пришло подхватывать не по годам серьезную и язвительную Розу Уизли на руки, зато безумно хотелось потрепать по волосам и подкинуть разок-другой милашку Лили. — Хагрид, — отсмеявшись, сказала Лили, — а у тебя появились новые существа?... Хагрид часто таскал в карманах мелкую живность и держал в избушке разных тварей, не всегда законно, но имея в друзьях, почти родственниках, Главного Аврора, на эти мелкие нарушения можно было закрыть глаза. Тем более, что доблестному и жутко справедливому аврору, существа не попадались на глаза. По крайней мере, Хагрид их старательно прятал, а Гарри Поттер делал вид, что у него это получается хорошо. — Нет, радость моя, — откликнулся Хагрид пододвигая Лили большой кусок пирога. На его взгляд Потер-младшая была худоватой, и он все время пытался ее подкормить, — а кого бы ты хотела видеть? — Дракончика, – быстро сказала Лили. Слишком быстро. Но Хагрид не был настолько внимательным к мелочам, чтобы это заметить. Он хотел что-то сказать, но Лили прервала его на полуслове: — Я бы держала его в коробочке… — мечтательно проговорила она. — Ну что ты… – рассмеялся Хагрид, — в коробочке... Драконов не держат в коробочках, им нужно специальное место. — Да? – Лили

улыбнулась и заинтересовано заглянула в лицо Хагрида преданными глазами, бросив при этом победный взгляд в сторону Розы, которая поперхнулась чаем, фыркнула и поспешно отвернулась, — расскажи, – требовательно потянула она Хагрида за рукав измятой, старой куртки. — Ну… так… его надо это… в специальную корзинку, пока маленький. Там магию надобно. Подстилку зачаровать, значит. Чтобы не промокала и самоочищалась. А если без мамки остался – так и вовсе подогрев обеспечить. Они мерзнут все время, пока крохи совсем.— Как интересно… – Лили, подперев голову руками, внимательно слушала великана, запоминая каждое слово. Выйдя из хижины уже в сумерках, Лили довольно улыбнулась Уизли: — Видите, а вы говорили – не выйдет! – и она показала им язык, скорчив забавную рожицу. — Лили, это безрассудство может плохо закончится. — Не будь занудой, Рози! – проговорил Хьюго и пошел рядом с Лили, демонстрируя, что полностью с ней солидарен. — Она не расскажет? – встревожено спросила Лили у брата, взглянув на насупившуюся Розу, которая так и не сдвинулась с места. Она терпеть не могла, когда ее называли занудой. Потому что понимала, что это правда, но признаться в этом самой себе было слишком тяжело. — Нет, конечно! Ты же ее знаешь, она пообижается и сама придет. — Ну, ладно. Только пошли быстрей, а то мне еще Скорпиусу надо рассказать. И корзинку найти. * * * В гостиной Слизерина все уже знали о том, что Альбус Поттер возвращается в Хогвартс. «Ежедневный Пророк» во всех возможных красках расписал спасение любимого Героя. «Сын спас отца!» - упивалась газета. И все-таки было непонятно, каким образом один маленький, пусть и достаточно сильный волшебник мог стать магическим донором и вытащить практически с того света сильнейшего мага современности. Но разве это важно, когда Герой спасен, а его сын обрел невероятную популярность благодаря этой сногсшибательной новости. Маленький Поттер прибыл в Хогвартс вместе со своей теткой Гермионой Уизли, которая прошла с ним прямо через директорский камин. Минерва Макгонагалл милостиво разрешила воспользоваться своей каминной сетью, так как считала, что Альбусу необходимо немедленно приступить к занятиям. За достаточно долгую отлучку его наказывать не стали, и баллы директор со Слизерина не сняла. И правильно – чего там снимать, когда после последней выходки Поттера Слизерин и так ушел в минус. Нерешительно потоптавшись на пороге, новоявленный герой шагнул в спальню. Первый урок он уже пропустил, поэтому можно было не торопиться. В спальне было тихо. Аккуратно заправленные постели, лишь на одной легкий

беспорядок. Гойл. Он единственный здесь не отличался педантичностью и аккуратностью. Но Поттер в этом смысле затыкал за пояс всех. Его живописно раскиданные вещи всегда вводили в шок аккуратиста — Малфоя. Носок, зажатый дверцей прикроватной тумбочки; свитера, скомканные в один неопрятный комок и приткнутые куда-то к стенке; запасной галстук, кокетливо выглядывающий из-под небрежно заправленного зеленого покрывала. Альбус чуть потянул за серебристый кончик и, вытащив галстук, задумчиво помял его в руке. Отбросил в сторону. И нагнулся, чтобы заглянуть под кровать. Результат поисков заставил его застыть каменным изваянием. Коробки с Ангусом не было. Какая-то странная горечь растекалась по груди, заползала в горло и отдавала неприятным привкусом во рту. А еще маленький Поттер ощутил злость. Самую настоящую, ничем неприкрытую злость на своего друга, которого он так просил позаботиться о дракончике. Где теперь его искать? Альбус решил, что на ЗОТС идти все-таки придется. Профессор Дамблдор был крайне строг. Этот мрачный старик никогда не улыбался и всегда смотрел на всех исподлобья. Поэтому прикинув время, он начал лениво собираться. Пергаменты, перья, учебники, вскоре все было упаковано в сумку, и Поттер покинул слизеринские подземелья в самом мрачном настроении. Во время перерыва, он столкнулся нос к носу с Малфоем, который вылетел из класса, словно за ним кто-то гнался. — Ал, – резко затормозив, Скорпиус уставился на друга. Альбус не ответил. Он стоял у стены, сцепив пальцы на груди, и смотрел на Малфоя молча и выжидающе. — Где он? – сквозь зубы спросил Поттер, чувствуя, как снова накатывает злость. — Ал, я… — Скорпиус выглядит виноватым. — Где он! – щуплый Альбус грубо хватает Малфоя за отвороты мантии, — ты выкинул его, да?! Я доверял тебе, а ты! Ты… — из зеленых глаз покатились слезы. Альбус резко оттолкнул Скорпиуса и уставился на него в ожидании ответа. Малфой смерил его задумчивым взглядом. Поправил мантию и невозмутимо ответил: — В Визжащей хижине. — Где?! Что он там делает? Я же тебе его доверил... тебе… Скорпиус не нашелся, что ответить. В принципе он мог объяснить, вот только неугомонный не готов слушать. Проходящие мимо однокурсники одобрительно хихикали – Малфой разругался с Поттером – лучше и быть не может! — Ал! – на шее Поттера повисла сестра, прерывая тягостное молчание между двумя слизеринцами. — Лили! – Альбус чуть улыбнулся, погладил сестренку по голове. А Потер-младшая разревелась, уткнувшись ему в плечо. Из невнятных звуков, издаваемых ею, можно было понять что-то: «испугалась… папа… зачем…» Альбус прикусил губу и лишь помотал лохматой головой. Он не хотел

говорить Лили о маме. Когда они уезжали в Хогвартс в этом году, она не поехала с ними, сказав, что неважно себя чувствует, но заверив, что в целом все в порядке. Да и отец держал себя в руках, не показывая беспокойство маминым состоянием. Они врали, не хотели их волновать. Если бы Джеймс узнал, что мама больна, он бы, наверное, вообще никуда не поехал, а остался бы с ней… Хотя последнее слово все равно было бы за отцом. В общем, сейчас Альбус был не готов к тому, чтобы рассказать сестре о болезни мамы. Но Лили – это понятно. А вот Джеймс… Брату придется сказать. Все равно узнает. По крайней мере, потом не обвинит Альбуса в том, что тот с ним не поделился. Да и, в конце концов, это и его мама тоже. Альбус бы не простил, если бы ему не рассказали о болезни кого-то из родных. Осторожно отодвинув Лили, Альбус посмотрел поверх голов, спешащих на уроки студентов и взгляд мгновенно выхватил из толпы рыжую голову брата. Янтарные, практически желтые глаза встретились с зелеными. Брат застыл на месте, улыбка медленно сползала с его лица. И Альбус с удивлением почувствовал зависть. Да, брат переживал. Но еще больше – завидовал тому, что это не он спас отца. Это не он сбежал из школы, чтобы поделиться своей магией с родным и близким, не думая о последствиях. Однако, Джеймс сосредоточенно принялся распихивать студентов, чтобы подойти поближе. Альбусу вдруг становится горько и больно, он не хочет, как же он не хочет этой зависти. Как же он хочет, чтобы все просто встало на свои места. И он кидается навстречу, обнимая, утыкаясь в плечо, чувствуя чуть слышный запах смазки для метел, который впитала кожа рук. Джеймс растеряно стоит, не понимая, что же случилось. Альбус никогда в своей жизни не обнимал его. Они играли, да. Дрались иногда. Катались по полу и даже, было дело, скатились по ступенькам одним живым комком рук, ног и подраной одежды. Но вот так просто и доверчиво… никогда. Только Лили могла обнимать их обоих – вместе или по раздельности. Она же девчонка, ей можно. Джеймс почувствовал, что что-то произошло. И это не только связано с отцом. Словно Альбус, крепко обхвативший его шею хочет спрятаться. — Ал… — дрожащим голосом произносит Джеймс Поттер, не понимая, как ему поступить. — Ал, — произносит он еще раз, пытаясь чуть отстраниться. Альбус остервенело мотает головой и Джеймс понимает, что его мантия мокрая от слез. Опять плачет. Альбус сам резко отстраняется, в один момент становясь чужим и далеким. Он изучающее смотрит в глаза Джеймса и говорит бесцветным голосом: — Привет, Джим. — Привет, — настороженно отвечает старший Поттер, и неловко высвобождаясь из его рук, пятится едва уловимым жестом.

— Все нормально, — будто опережая его вопрос, говорит Альбус. Сухо кивает и направляется в класс по ЗОТС. Скорпиус стоит у стены и молча смотрит на Джеймса. Тот резко поворачивается в его сторону, его рот кривится усмешкой: — Чего уставился, бледный? — Да, так… — нарочито растягивая слова, произносит Скорпиус, — просто думаю, какая же ты бесчувственная скотина, Джеймс Поттер. — Не тебе судить! – мгновенно вспыхивает краской гриффиндорец. — Нет, конечно, — улыбается Скорпиус, чуть потягиваясь. И в этом жесте столько пренебрежения к собеседнику, что Джеймс из красного становится багровым от сдерживаемого гнева. — Джим! – за рукав мантии его хватает Роза Уизли, — тебе пора. Она кидает возмущенный взгляд на Скорпиуса, на что тот просто пожимает плечами, делая абсолютно равнодушное лицо. Джеймс позволяет Розе увести себя , но, оглядывается назад. Скорпиус Малфой смотрит ему вслед, не двигаясь с места, холодные голубые глаза выражают отвращение, уголки губ чуть приподняты. Кажется, еще чуть-чуть и Малфой оскалится, обнажая кончики клыков. Ерунда, конечно, но Джеймс почувствовал, как неприятный холодок горстью противных мурашек разбегается по позвонку. В кабинете ЗОТС всегда тихо. Только перья скрипят от усиленного нажима усидчивых студентов. Альбус выписывает заклятие так, словно рисует. Скорпиус, сидящий рядом, заглядывает в его пергамент и хмыкает. — Чего? – реагирует Альбус и тут же вспоминает, что с предателями не общается. — Не надо так вычерчивать. И так же все понятно. – Малфой показывает на его более чем подробный чертеж. Альбус отворачивается, делая вид, что не слышит. — Ал, — пихает Скорпиус его под бок, — прекрати. Ангус в порядке. Так надо было. Когда Поттер поворачивает лицо в его сторону, Скорпиус думает, что, наверное, не стоило этого говорить, потому что в зеленых больших глазах столько злости и обиды, что, кажется, хватит на всех, находящихся в этой в комнате, включая старика-профессора. — Мистер Малфой! – прикрикивает Аберфорт Дамблдор, — займитесь делом. — Я все сделал. – довольно улыбается нерадивый студент.Дамблдор вплотную подходит к ним и, насупившись в своей обычной манере, говорит: — А вы не продемонстрируете нам свои великолепные навыки, Малфой? — Мистер… — подсказывает Скорпиус, задирая голову, имитируя взгляд снизу вверх. Сделать это по-настоящему не получится. Ростом пока не вышел. — 10 баллов со Слизерина за спор с преподавателем, *мистер* Малфой. И если ты думаешь, что можешь мне грубить, мальчик, то ты глубоко заблуждаешься, — произносит профессор ЗОТС, и в его голосе проскальзывает тщательно скрываемая ярость. — Это несправедливо, — звонко

произносит Скорпиус, понимая, что нарывается, но не в силах остановиться. Ангус, ссора с Поттером, отвратительное настроение – и вот вам, пожалуйста, нахальный и хамоватый подросток готов грубить своему преподавателю. — Несправедливо здесь только то, что ты учишься в этой школе, – спокойно отвечает Дамблдор и награждает Скорпиуса тяжелым взглядом выцветших глаз. — Почему? – упрямо спрашивает Скорпиус, понимая, что не стоило. Нет, не стоило. — Ты уверен, что хочешь знать? – спрашивает Аберфорт, и в голосе полное равнодушие к чувствам мальчишки. — Да, — упрямо говорит Скорпиус и сжимает пальцами перо, разламывая его на куски, выдирая ворсинки одну за другой. — Пожалуйста, — вежливо говорит профессор, — Я не считаю справедливым то, что детям Пожирателей позволено учиться с нормальными в одной школе. Класс придушенно вздыхает, слышны восклицания, выражающие омерзение, недоверие и даже восхищение. Скорпиус стремительно краснеет – Альбус уже успел заметить, что на сомнительную славу своего отца Малфой реагирует всегда очень остро. — Вы не имеете права! – выкрикивает он и выбегает из аудитории, захлопнув дверь. В полной тишине Аберфорт произносит: — Это урок всем на будущее. Не спорить. Не пререкаться. Потому что есть люди умнее вас, имеющие гораздо больший опыт. Альбус Поттер заворожено смотрит, как ворсинки, оставшиеся от белоснежного пера Малфоя, разлетаются по классу, ловит одну на ладонь и пристально изучает. Потом встает с места. — Не стоит, Поттер. – говорит Дамблдор. И как увидел? Спиной же стоит! – или баллы для Слизерина уже ничего не значат? — Сиди на месте, Поттер, — слышит угрожающий шепот Нотта за спиной. Оглядывается. Слизеринцы следят за каждым движением. Им не улыбается потерять еще баллы за этот урок. Альбус изучает их напряженные лица, вспоминает лицо Скорпиуса, когда тот выбежал из класса и быстро поднимается с места, словно боясь передумать. — Мне все равно, – говорит он резко и идет к двери. — Скажи это громче, мальчик, — почти ласково произносит профессор. — Мне все равно, — повторяет Поттер и выходит из класса. Дамблдор невозмутимо продолжает лекцию. — А баллы, профессор? – произносит Ирбис Ролл, гриффиндорец. — Баллы? Слизеринцы застывают в напряжении. — Нет, я не снимаю баллы за храбрость. Тем более такая дружба дорогого стоит, но вам еще не понять. — Значит, нам всем теперь можно выбегать из класса, когда захочется? – ехидно интересуется Ирбис. — Тебе – вряд ли, – говорит профессор и улыбается, снова смотря в окно.

Глава 8

Все плачут. Кто-то от облегчения и радости. Кто-то от невыносимой боли утраты. Кто-то просто, потому что так делают все. Слезы струятся по лицам, оставляют грязные, влажные дорожки на щеках. Сегодня волшебный мир празднует победу. Сегодня Мальчик-который-выжил, выжил еще раз и победил своего главного врага. Радуйтесь! Плачьте от счастья. Вот только не трогайте меня. Я – натянутая пружина, натянутая тетива, что вот-вот лопнет. Да, я рад. Победа. Я жив. Гермиона жива. И Рон тоже жив. Все. О большем нельзя было просить. И я не прошу. Я просто радуюсь и понимаю, что желать, чтобы живы были все, было бы непростительно по отношению к тем, кто потерял близких в эту ночь. И малодушная эгоистичная мысль. Пусть лучше они. Мои близкие и родные, друзья. Если смерть пришла сюда сегодня, как же я рад… как же я рад, Мордред побери, что она не забрала Гермиону и Рона.

Я пробираюсь сквозь них. Сквозь слезы и стоны, запах гари и боль. Я стою и смотрю на семью Уизли и понимаю, что не в силах подойти. Джордж поднимает глаза и встречается со мной взглядом. Хочется исчезнуть, раствориться… умереть. Потому что в этих когда-то веселых, таких ярких глазах теперь застыл ледяной холод. Застыла сама смерть. Он смотрит на меня и

сквозь меня одновременно. Тогда я еще не знал, что теперь Джордж Уизли всегда будет смотреть так. Я наивно считал, что время лечит, но не знал, что и мои раны оно не в силах исцелить. Но, стоя в этом огромном зале, смотря в теперь уже бесцветные глаза Джорджа, неистово верил в целительную силу времени.

А еще я верил, просто знал, что Драко Малфой жив. Не друг. Не враг. Никто. Я не знал, как мне его называть даже про себя. Драко. Безумный взгляд серых глаз навсегда остался в памяти, как и смех, режущий по нервам. Я рад, Малфой. Я рад, что ты ушел. Я не вижу тебя здесь, но знаю, что ты жив. Я рад, что ты ушел. Потому что тебя разорвали бы на куски. И те, и другие. Потому что ты – никто. Тот, кого растоптали бы и не заметили. Но почему же, я помню про тебя? Почему сейчас, стоя в беснующейся толпе, в которой слились воедино радость, горе, невыносимое счастье и невыносимая боль, я принимаю улыбки и объятья, похлопывание по плечам, которые болью отзываются в напряженных мышцах, и помню про тебя? Почему, Драко?…

Простые истины

Альбус выскочил из класса и завертел головой, пытаясь предположить, куда делся Малфой. Подумав, он в нерешительности направился в коридор, ведущий на улицу.

— Куда, неугомонный? – осведомился привычно язвительный голос, и Скорпиус Малфой отлепился от стены, которую подпирал последние две минуты.

— За тобой, — буркнул Альбус, поняв, что ничего не случилось, и Скорпиус никуда не убежал, гонимый своей обидой на преподавателя, — за ты почему здесь?..

— А где я должен быть? – очень естественно удивился Малфой, — на скамеечке во дворике? Так там холодно. На кухне – плакаться домовикам? По статусу не пристало. В туалете плаксы Миртл жаловаться ей на вселенскую несправедливость? Так он все правильно говорит - несправедливости-то и нет. А вообще, – Скорпиус сделал многозначительную паузу, искренне наслаждаясь видом растрепанного Поттера (опять галстук криво завязал, чтоб его! Никак не научится…), ошарашенного его плавной, гладкой речью.

— Чего? – чуть угрожающе сказал Альбус.

— Тебя жду, – улыбнулся Малфой, — я тебя уже слишком хорошо знаю, Альбус Поттер. И все твои действия вполне ожидаемы.

— Правда? – насмешливо проговорил Альбус, приближаясь вплотную.

— Правда, — твердо ответил Скорпиус, не отстранившись ни на миллиметр.

Альбус победно улыбнулся и резко вскинул руку, целясь нахалу прямо в ехидную улыбку. Цепкие пальцы перехватили ее на полпути к цели и резко сжались на тонком запястье. — Я же сказал – предсказуемо, Ал, – тихо повторил Скорпиус и, развернувшись, пошел прочь.

Альбус хмыкнул, догнал Малфоя и молча пошел рядом. Через некоторое время любопытство взяло верх, и он спросил:

— Ты куда?

— У меня дела, – спокойно ответил Малфой, — это последний урок сегодня. Дамблдор не пустит меня обратно, это понятно. Значит можно спокойно заняться делами и может, даже получится лечь пораньше, — Скорпиус широко зевнул, и Альбус с опозданием отметил, что у того покрасневшие, припухшие веки, под глазами – тени и вообще Скорпиус куда бледнее, чем обычно. — А… — Ангус, — пояснил Малфой и улыбнулся. И Альбусу

вдруг стало стыдно. Никто не бросал Ангуса. Малфой ухаживал за ним. И глядя на его теплую улыбку, понятно, что они подружились, и он искренне за него переживает. — Скорп… — Не надо, – предостерегающе вскинул руку тот, словно закрываясь от всего того, что Альбус ему хочет сказать, — я все знаю. Только, Ал, я тебя умоляю, научись сначала слушать, потом делать, а? — Ладно, — Альбус судорожно сглотнул. В глазах противно щипало. Хотелось рассказать Малфою обо всем, что накопилось в душе, о том, как он виноват перед ним, но с другой стороны он понимал, что Скорпиус прав и не стоит. Лучше просто пойти за ним и посмотреть, как там Ангус. Попутно выяснив, зачем его все-таки определили в Визжащую хижину. Лаконичное объяснение оказалось до предела простым. Лили. И дальше можно было бы ничего не говорить. Сестренка выведала у Хагрида, как именно надо содержать дракончика, чем кормить. Малфой не мог таскать его с собой на уроки, тайна быстро бы раскрылась, а он обещал Поттеру сохранить секрет. Лили. Роза. Хьюго. Они все знали. Альбус чувствовал, как его снова переполняет злость. Это его тайна. Это его Ангус. И если он посвятил в это Малфоя, то только потому, что доверял ему, а он… Но Альбус твердо решил больше не ругаться и попытаться просто понять. Тем более ни Рози, ни Хью не побежали жаловаться взрослым, так что, может, все к лучшему. — Мы по очереди наведываемся туда и кормим Ангуса. Только он еще и играть хочет. Я стараюсь приходить чаще, вне очереди. Но не всегда получается. Преподаватели бы заметили, что я куда-то отлучаюсь постоянно. А так, то я, то твои родственнички. — Понятно. – Альбус все-таки обуздал свой гнев и теперь послушно шел за Скорпиусом, желая как можно быстрее увидеться с ненаглядным питомцем. Питомец заметно подрос. Теперь его чешуйки стали явственней выделяться, на хребте появились первые признаки шипов. А перепонки между крыльями стали прочнее и жестче даже на ощупь. Ангус узнал хозяина. Радостно заворчал и забрался к Альбусу на руки. Потянулся к тощей шее и уткнулся носом в поттеровское ухо, довольно урча. Альбус стоял, закрыв глаза, и слушал, как под пока еще тонкой кожицей, бьется маленькое сердечко. Стало тепло и необыкновенно уютно. — Хватит обниматься! Ему есть пора, — проговорил Скорпиус недовольным тоном. Альбус нехотя оторвался от дракончика и уступил Скорпиусу возможность его покормить, потому что как это делать, пока не знал.

И двое увлеченных мальчишек не заметили, что они не одни. Что в окно визжащей хижины за ними пристально наблюдают. * * * « Альбуссс, ты не забыл? Она ждет тебя, Альбуссс Поттер… ждет….» Альбус открыл глаза. Темно. Тревога охватила все его

существо. Снова этот голос, про который он почти уже успел забыть. Снова шепот из темноты, бестелесный, но такой осязаемый, кажется, протяни руку и коснешься чего-то… холодного…мерзкого… но вместе с тем Альбус был уверен, что обладатель голоса обладает невероятным могуществом. Зачем ему Альбус опять? Неужели комната еще не разбужена? Альбус подумал, что и в самом деле не знает, обрело ли былое могущество наследие Слизерина. Надо бы уточнить... У кого? Вряд ли Макгонагалл скажет ему хоть слово. Да и не станет он обращаться к директору по такому поводу. Профессор Лонгботтом тоже наверняка в курсе, так как вот уже несколько лет был правой рукой постаревшей Макгонагалл. Но крестный вряд ли расскажет. Теперь все будут его оберегать и относиться настороженно. А что? Разве он мог поступить иначе? Разве он мог упустить возможность увидеться с отцом? А то, что как выясняется, он его еще и спас… этого Альбус, конечно не знал. Да и вообще он ничего не помнил с того момента как шагнул а незримую черту в палате отца. Вот только он готов был поклясться, что тогда ночью, когда он был без сознания, в палате был кто-то еще. Он даже помнит легкое, невесомое прикосновение прохладной твердой ладони к своей щеке. А больше, пожалуй, ничего не помнит. С этим, конечно, надо будет разобраться потом. А сейчас надо выяснить насчет Выручай-комнаты иначе эти кошмары просто сведут его с ума. Так как сегодня было воскресенье, поспать можно было подольше. Однако Альбус встал очень рано. И этому была причина. Ему надо было поговорить с братом без свидетелей, ведь это касается его семьи и только. Хотя Скорпиусу он потом тоже расскажет – а как же иначе? Малфой занял место в его жизни, без него себя Ал уже не представлял, пусть даже они постоянно ссорились. Вчера вечером он договорился с Джеймсом, что встретится рано утром с ним в маленьком внутреннем дворике замка. Возле фонтана, который уже, конечно, не работал. Зябкое утро грозило перерасти в пасмурный день, Альбус вжал голову в плечи и стал похож на нахохлившегося воробья, так как причесаться попросту забыл. Джеймс мазнул по брату недовольным взглядом, запустил пятерню в густую рыжую шевелюру и недовольно пробурчал: — И что? Альбус стоял, переминаясь с ноги на ногу, и думал, как лучше всего преподнести брату страшные новости. — В общем, когда я был там, у папы, то узнал, что… — Что? – хмуро проговорил Джеймс и вдруг сжал его худое плечо дружеским жестом. Альбус покосился на его руку и, нервно выдохнув, продолжил: — Мама… она... в общем, болеет. Джеймс сжал его плечо до боли. Альбусу показалось, что там что-то даже

хрустнуло. Он прикусил губу и взглянул брату прямо в глаза. Секунду другую они молча изучали друг друга, и Альбус в очередной раз подумал, какие же они все-таки разные. Его зеленые глаза совсем не похожи на янтарные кошачьи Джеймса. Джеймс – в маму, а он – в отца. И только Лили, наверное, похожа сразу на обоих родителей. — Мама больна, Джим. Они говорят, что ее скоро не станет, – последние слова Альбус прошептал, все-таки опустив взгляд в пол. Джеймс шумно выдохнул, сжал губы и произнес, почти не открывая рта: — Ты врешь. — Нет, Джим, не вру. — Ты врешь! – выкрикнул тот и в голосе прорезались истерические нотки. Альбус вздрогнул – его брат еще никогда не говорил так. — Джим… — беспомощно проговорил младший Поттер, — Джим, мне же тоже плохо, как ты не понимаешь?! Это и моя мама.. тоже… — это он прошептал серому небу, так как Джеймс Поттер уже ушел, словно стремился убежать от того, что сказал ему брат. Альбус не знал, сколько просидел так, когда ему на плечо легла чужая рука, чуть приобнимая. — Ты плачешь? – спросил сухой, надломленный голос. — Нет, — ответил Альбус. Он действительно не плакал. — Что-то произошло? – мягко спросил Аберфорт Дамблдор. — Не важно, — ответил Альбус и вдруг заплакал. Слезы, горячие соленые струились по щекам, а он все продолжал смотреть в небо, игнорируя человека рядом. — Не плачь, мальчик. Ничего не изменить. У всего свой срок, свой долг, своя стезя и свое горе. — Я вам не верю! – прокричал Альбус в небо, — она не умрет! Я не позволю! – и снова разрыдался, понимая, как глупо звучат подобные слова от двенадцатилетнего мальчишки, который толком еще ничего не умеет. — Не верь, – легко согласился Дамблдор. Никому не верь, маленький Поттер. Никогда никому не верь, — сказал он тише и тихонько погладил взлохмаченную черноволосую голову, уткнувшуюся ему в грудь. Альбус Поттер всегда бежал к отцу, если что-то случалось, и точно так же выплакивал ему свое горе. Но сейчас Гарри Поттер, ослабевший и сломленный болезнью жены, не мог больше утешать сына. Альбусу просто необходимо было ощутить чью-то поддержку. — Почему вы молчите? – вдруг вскинулся Альбус, — почему вы не скажете, что все будет хорошо?! — Потому что не будет, Альбус, — сказал Аберфорт и чуть запнулся на имени мальчика, почти неуловимо, но все-таки заметно, — я не буду тебе врать. Я в курсе твоей ситуации. Я знаю даже чуть больше, в силу некоторых обстоятельств. Твою мать прокляли. Неведомое нечто выкачивает из нее силы. Они уходят кому-то. И твой отец сбился с ног в поисках этого загадочного кого-то. На ушах весь магический Лондон. Все ищут мага, качающего энергию Джиневры Поттер. Но не находят. А она истощена. Да, мальчик.

Истощена, и как вы могли этого не заметить?.. Сытые благополучные детки любящих родителей… Ничего не будет хорошо, Альбус, ничего. И это как раз то над чем можно плакать. Альбус уставился на своего преподавателя, не моргая. Он ничего не знал о проклятье. Да, он ничего не замечал. Больно… как же больно… или это просто слезы замерзли на щеках, превращаясь в колючие льдинки? — Вы думаете, вы такой правильный, всегда говорите правду?! – закричал он, — а я вам не верю! Я сам буду искать! Слышите, сам! — Поттер… упрямый. Но я не буду врать, мальчик. Я слишком устал в своей жизни от лжи. Я так устал, Альбус… – сказал он в пустоту, и устало прикрыл глаза. Маленький Поттер уже давно убежал. Начался снег. * * * — Проклятье? – переспросил Скорпиус, уютно устроившись в библиотеке с какой-то книгой. — Именно, Скорп. Он сказал, что есть кто-то, кто выкачивает силы у мамы, кто забирает себе ее магию. — Что ты намерен делать? – вопрос прозвучал излишне равнодушно. Скорпиус задумчиво перевернул страницу. — Не знаю, – ответил Альбус и осекся, — Ты меня не слушаешь, — с укором сказал он. — Слушаю, — кивнул ему Малфой. — Я пошел, — Альбус резко развернулся и направился к выходу, чувствуя, что остался совсем один. Что нет никого в целом свете, с кем можно было бы разделить свое одиночество. Если бы он был внимательней, то заметил бы, что Скорпиус читает книгу вверх ногами. Несколько минут спустя Скорпиус поднялся с места и пошел к одной из пыльных старых полок в углу. Он аккуратно провел пальцем по истрепавшимся корешкам, его губы шептали что-то. — Что-то ищешь? – настороженно спросил тонкий голосок рядом. — Не твое дело, — лениво отозвался Скорпиус. Роза Уизли подошла поближе и с интересом взглянула на книгу в руках Малфоя. Скорпиус ухмыльнулся, захлопнул ее перед носом девочки, поднимая скопившуюся пыль. Роза оглушительно чихнула, смешно наморщив нос, и сказала: — Мы с Лили покормили Ангуса. Но он как-то странно выглядел. — Что? — Вялый какой-то, даже играть не стал. И знаешь… он стал больше. Намного больше. — Что ты мелешь? Прошло всего два дня, как вы его видели. — Я знаю. Но тебе лучше всего поверить мне, Скорпиус. Поверить и придумать как быть, потому что, судя по всему, у Ангуса начинается перманентный период. — Это еще что? Роза закатила глаза в притворном раздражении «как же туго все вокруг соображают!» — Я в книге читала. По драконоводству. Перманентный период – это последняя фаза перед взрослением. Дракон резко прибавляет в весе, растет. Во сне. Словно закукливается. Ну, это не со всеми происходит. Это нужно, чтобы магия, концентрируемая в теле дракона ушла тому, на ком был

завязан ритуал возрождения... После этого дракон станет самым обычным.

Скорпиус стоял, покачиваясь с носков на пятки и, казалось, не замечал свою собеседницу. Книга упала на пол, и Роза снова оглушительно чихнула. — Ты сказала, что не все драконы проходят этот... как там… перманентный период. — Да. — А у Ангуса значит этот самый период на подходе? – Скорпиус приподнял бровь, а Роза в очередной раз подумала, что же такого ее брат мог найти в этом высокомерном мальчишке. — Да, я так думаю. – спокойно ответила она, понимая, что из их разношерстной компании «посвященных» только Скорпиус столь же рассудителен, как она. — И какие же драконы растут во сне? — Я не знаю точно, там сложно все в этой книге. Я могу ошибаться. — Ну и? — Магу, которого дракон признал хозяином, грозит опасность. А какая – не знаю. Надо искать. Только я все-таки за то, чтобы рассказать все Хагриду или еще кому-нибудь. — Так что же не расскажешь? — скривился Скорпиус, подумав, что Уизли права и может, действительно стоить закончить эту воспитательную эпопею и сдать дракона взрослым. Пусть сами разбираются со всеми этими периодами. — А может, это сделаешь ты? – язвительно ответила Роза, глядя ему прямо в глаза. Скорпиус Малфой не привык, когда кто-то смотрел ему прямо в глаза. Отец научил его смотреть так, что через несколько секунд хотелось отвести взгляд, оставляя за ним несомненное первенство. Однако Альбус Поттер спокойно выдерживал его взгляд. А теперь еще и Роза. Это нервировало. — Понимаешь, — Роза прикусила кончик одной из своих рыжих косичек, — Такие драконы существуют только за счет того, что у них есть хозяин. И в древности, как только выяснялось, что у дракона начался перманентный период – его убивали. Поэтому по идее они уже давно должны были вымереть. Как род. Скорпиус присел на одну из старых полок, которая тут же обиженно скрипнула, напоминая, что вовсе не предназначена для сидения на ней. — Слушай, рыжая, — сказал он, нисколько не стремясь обидеть девочку, просто констатируя факт. — У меня имя есть!— мгновенно вспыхнула Роза. — Неважно, — отмахнулся Скорпиус, думая, что неугомонный умудряется вляпываться в неприятности с такой завидной частотой, — надо искать ответ. Надо перерыть эту твою драконологию… Надо выяснить, чем Ангус опасен…. — Я постараюсь… — серьезно сказала Роза. Скорпиус посмотрел на нее и чуть улыбнулся. Двое подростков в пропахшем пылью и старой ветошью углу библиотеки в тот момент и в самом деле верили, что смогут постичь одну из древнейших тайн.

Глава 9

Министерство постановило вернутся и доучиться всем повторно после войны. Не верю. Не хочу. Седьмой курс. Снова. За что?! Хочется прокричать прямо в серое душное небо. Вот только зачем? Небо меня давно уже не слышит. Я бреду на вокзал. Возле барьера выпрямляюсь, провожу ладонью по волосам и, судорожно вздохнув, шагаю в новую жизнь. Жизнь, в которой больше нет змееподобной твари, но зато есть Поттер. Никто не должен видеть страх в моих глазах. Никто не должен видеть слабость и дрожащие пальцы. Прямая спина. Стиснутые зубы за привычной полуусмешкой. Я не успеваю. Заметили. — Поттер, — усмехаюсь. Больше яда, больше желчи. Раствориться, задохнуться в кислоте собственного голоса. — Малфой, — кивает герой магической Британии и чуть склоняет голову в приветственном жесте. Я боюсь поднять глаза. Но понимаю, что надо. Что на меня все смотрят. Что весь мой год зависит сейчас от сжатой в кулак воли и спокойного взгляда в эти сумасшедшее зеленые глаза. В них нет злобы. В них нет боли. В них нет презрения. В них нет ничего, черт возьми! Пустота. И вот теперь мне становится по-настоящему страшно. По позвонку пробегает настоящий мороз, хочется передернуть плечами. Но я держусь. Смотрю в эти пустые

глаза и улыбаюсь, как идиот. Краем глаза замечаю, как Грейнджер и Уизли переглядываются. Интересно, как мы выглядим со стороны? — Получать образование, Поттер? – как будто и не я вовсе. Как будто кто-то произносит эти слова за меня. — Именно, Малфой, — все та же пугающая пустота. Не отвечаю. Сил больше нет. Просто иду в вагон, нахожу пустое купе. Сажусь и смотрю в окно. Небо налито свинцом, но от этого только жарче. Очень душно. Словно погода решила убить нас всех еще на подступах к Хогвартсу. Поезд неторопливо трогается с места. Прислоняюсь щекой к колючей обивке и проваливаюсь в нервный беспокойный сон. Когда открываю глаза, то вижу Поттера. Он сидит напротив и курит. Он курит. Я знаю, что это. Сигареты. Видел. Я вдыхаю терпкий, горький дым и закашливаюсь. Вот ведь сволочь, и чего приперся? Встряхиваю головой и снова смотрю ему прямо в глаза. Но он отводит взгляд и неловко хлопает себя по карманам широкой клетчатой рубашки. Наконец, из недр кармана на свет появляется измятая пачка. Он молча протягивает ее мне, ничего не говоря. Трясущимися пальцами вытягиваю сигарету. Поджигаю еле слышным шепотом. Затягиваюсь. Дым. Горечь. Кашель. Поттер никак не комментирует происходящего. Он просто курит, отвернувшись. И я понимаю, что напряжение отпускает. Что надо

жить, раз уж выжил. Поттер щелчком отправляет остатки сигареты за окно. Переводит взгляд на меня. Не могу. Сейчас нет людей, для которых надо держать лицо. Не могу. Прикусываю губу и отчаянно мотаю головой, не поднимая глаз. И тут же чувствую прикосновение жестких, шершавых пальцев к своей щеке. Он силой заставляет меня поднять голову. Протестующее чего-то мычу. — Тссс… – говорит тихо, — Все будет хорошо, Драко. Слышишь? Все будет хорошо… — и он уходит, плотно закрыв дверь. А я, наконец, открываю глаза. И понимаю, что ресницы слиплись от непролитых слез.

Новые факты старого дела

— Пошел вон! – крик пронесся по дому, и домовик с грохотом слетел по лестнице, сетуя на то, что хозяин снова не в духе. Мистер Поттер вообще часто был не в духе. Не в манере Главного Аврора срывать злость на бедном домовике, но Кричер иногда сам, будучи свободным и самостоятельным, проявлял излишнюю навязчивость, и, в результате, получал вот такой рык от хозяина дома. Правда, Гарри Поттер никогда не бил домовика, а это случалось даже со свободными, честно работающими эльфами. Кричер обиженно забурчал и скрылся на кухне. Хозяин зол. Ну и ладно. А ужин все равно готовить. Раньше хозяйка занималась этим сама, а Кричер только помогал. Но в этом году все изменилось: Джинни Поттер теперь вообще редко покидала собственную спальню. Гарри Поттер спустился вниз, походил по большой и от этого еще более пустой гостиной, потом снова поднялся наверх. — Джинни? – постучал он в запертую дверь. Тишина. — Джинни? – попробовал он еще раз. Замок тихонько щелкнул – дверь открылась. На пороге стояла женщина, когда-то несомненно красивая. Но теперь тусклые волосы, болезненно бледная кожа делали ее похожей на старуху. Она зябко передернула плечами и уставилась на мужа, плотно поджав бескровные губы. — Что? – спросила тихо надтреснутым голосом. — Так нельзя. Выйди, пожалуйста. — Зачем? Смотреть на тебя? Прости, Гарри, я не могу. Прости. Это все не мое. Этого уже нет. Меня нет. — Нет, слышишь? – Гарри прижался лбом к ее мягкому плечу и быстро зашептал: — Не смей! Не смей даже думать так! У тебя же дети. Каково им? Вспомни меня! Вспомни, как мне плохо было без матери! Разве ты хочешь, чтобы им было так же? — У них есть ты. – Джиневра тепло улыбнулась и провела рукой по лохматой голове, привычным жестом пропуская непослушные жесткие пряди сквозь пальцы, — да и если уж говорить о твоей матери, Гарри, то она выбрала твое спасение, правда? — Да. Но какое это… — Тсс… – тонкий пальчик прижался к его губам, — молчи, ладно? Мать всегда спасает своего ребенка. Всегда. — Я знаю, но нашим-то детям опасность не грозит…. Джинни снова улыбнулась и просто захлопнула дверь. — Джинни! – закричал Гарри и ударил по двери кулаком. Он ничего не понимал, но знал одно – Джинни права. Ее здесь нет. Именно об этом его предупреждали врачи. Именно к этой мысли его аккуратно готовила Гермиона. Стало пусто. Эмоции, чувства - все смешалось, мучительно захотелось курить. Гарри вышел на улицу, накинув на плечи куртку. Достал сигареты, помял в руке.

Что-то смутно цеплялось за память. Жесты, слова, брошенные вскользь, все словно проходило мимо, что-то… что-то на самых задворках памяти. Он закурил и присел на ступеньки дома, подумав, что с Джинни им и не о чем особо разговаривать. Когда дома были дети – все было просто. Но вот Лили уехала в Хогвартс и пустота, и страшная обреченность просто пропитала дом насквозь. Здесь невозможно находиться. У Джинни случались постоянные перепады настроения от тихих плаксивых до бешено яростных, когда она начинала раскидывать вещи; кричать, что если бы не Гарри, в ее жизни все было бы по-другому и не было бы этого жуткого проклятья… Гарри замолкал, и его поглощало чувство вины. Но в последний раз он не сдержался и ответил: — Может быть, Джинни, может быть. Но и этих детей бы у тебя не было. Джинни потом долго плакала в ванной, чуть слышно всхлипывая, а Гарри курил на ступенях. Он стал гораздо чаще это делать за прошедший год. * * * Сегодня был солнечный день. И несмотря на облачка пара, вырывающиеся изо рта, настроение у всех было хорошим. Скоро рождество, а сейчас время квиддича. Полуфинал. Слизерин – Хаффлпафф. Альбус Поттер тщательно застегивал налокотники и сосредоточено сопел. Скорпиус, наверное, уже был на трибунах. Он пожелал Поттеру победы, и за этот день они даже ни разу не поссорились. Однако тревожное чувство не покидало Альбуса: ему казалось, что за ним кто-то пристально наблюдает. Он чувствовал себя, словно сжатая пружина, готовая распрямиться в самый неподходящий момент. — Поттер! – раздался знакомый голос сзади, и Альбус обернулся, излишне резко вскинув руку и чуть не ударив по лицу Адель Забини. — Адель, – улыбнулся он. От девочки можно было не ждать неприятностей, она была улыбчивой и дружелюбной по отношению к нему. — Поттер, — девочка нахмурилась, — там… Лили. — Что? – не понял Альбус. — Там Лили плачет. Наверное, ее кто-то обидел… не знаю. Она не говорит. — Где? – мгновенно встрепенулся Альбус. — Да, там же! Пойдем, покажу! – Адель нетерпеливо потянула его за рукав спортивной мантии. Альбус быстро прикинул время. В принципе, до матча время есть и к тому же он не может оставить Лили, если она и вправду плачет. Ему очень не нравится лукавая улыбка Адель, но все-таки стоит проверить. Что он, девчонки-слизеринки испугался?

— Пойдем. Решительно сказал Альбус и прислонил свою «молнию» к одному из шкафчиков, подумав, что быстро посмотрит, что там с сестренкой, и вернется назад.

* * * Скорпиус Малфой задумчиво смотрел на пока еще пустое поле. Играть хотелось невыносимо. Но он – игрок запаса. Так уж повелось, ничего не поделаешь. Он уступал Поттеру

совсем чуть-чуть, но этого чуть-чуть было достаточно, чтобы в команду играть взяли именно Альбуса. Нет, он не завидовал. Ну, может, совсем чуть-чуть. В конце концов, все для того, чтобы выиграл Слизерин. — Скорп! – встревоженный голос Угхарта заставил оторваться от созерцания голубого неба и повернуться. — Чего тебе? – немного лениво откликнулся он, недоумевая, что могло понадобиться старосте и капитану команды сейчас на поле, когда они уже должны строиться перед выходом. — Поттер пропал. — Что?! — Поттер пропал, — угрюмо повторил Угхарт. – Я не знаю, что там, но нам выходить. Он банально сбежал. Оставил метлу в раздевалке и сбежал. — К..куда сбежал? – Скорпиус стал слегка заикаться от волнения. Ал? Сбежал из-за игры? Что за бред! — Слушай, Малфой, — резко сказал пятикурсник Оливер Маклин, охотник их команды, — мы не знаем, где носит придурка-Поттера. Сейчас дуешь в раздевалку, у тебя буквально две минуты переодеться и выскочить на поле. Или нас просто снимут с матча и засчитают Хаффлпаффу. У Скорпиуса голова шла кругом. Нет, он, конечно, тренировался, как игрок запаса на случай непредвиденных ситуаций. Кажется, именно такая сейчас и произошла. — Быстрей! Черт, Малфой, шевели же ногами! — Не смей на меня орать, — спокойно и угрожающе сказал Малфой, придвинувшись к старосте вплотную. Несмотря на пока еще небольшой рост, Скорпиус умудрялся смотреть на собеседника сверху вниз. — Да, ладно, Скорп, давай, мы ждем! — Команда Хаффлпаффа! – объявил комментатор, и Скорпиус со всех ног припустил к раздевалкам. Увидев метлу Ала, сиротливо примостившуюся в углу, Малфой пристально изучил ее, потом понимающе хмыкнул, сказал: — Вот же уроды, а! – и понял, что выходить на поле все-таки придется. — И ловец Слизерина – Альбус… Стоп! Мне только что сообщили! В рядах змей замена! Ловец Слизерина – Скорпиус Малфой! Малфой вылетел на поле, понимая, что плохо завязал правый налокотник, и он неумолимо сползает. А еще притихшие трибуны пристально рассматривали его, не понимая, куда же делся Альбус Поттер. Малфой и сам не понимал. И старался не смотреть в сторону гриффиндорцев, где в него буквально метали молнии янтарные глаза Джеймса Поттера. Со всем этим он решил разобраться потом. А кроме него действительно некому сыграть вместо Поттера. Он его найдет потом. Обязательно. Налокотник съехал на первом же витке, Малфой досадливо сдернул его с руки и просто кинул вниз. Кажется, нахального жеста слизеринца никто и не заметил. Все слишком увлечены матчем. Скорпиус повернул голову и попытался разглядеть на гостевых трибунах отца, но у него не получилось. Настроение снова стало тревожным, что-то

щемило в груди, и Скорпиус в целом чувствовал себя не в своей тарелке. Но когда перед глазами мелькнула золотистая вспышка, Скорпиус Малфой мгновенно забыл обо всем, и непередаваемый азарт охватил все его существо. Нестерпимо хотелось победить. Доказать, что он тоже хороший ловец, что не только Поттер в Слизерине отвечает качествам отличного игрока в квиддич. * * * — Там,– кивнула Адель на старую дверь помещения, уже знакомого Альбусу по предыдущему курсу. Альбус недоверчиво покосился на Забини и решил все-таки заглянуть вовнутрь. В конце концов, он точно знал, что за дверью не было ничего страшного, там был только портрет профессора Снейпа. — Поттер? — Ага. Здравствуйте, – быстро кивнул Альбус зельевару, который расположился на своем стуле с совершенно прямой спиной и книгой в руках. — А где?.. – спросил Альбус и обернулся к двери, потому что Лили он в комнате не увидел. Равно, как и Адель. Дверь была плотно закрыта. — Что за шутки?! – Альбус дернул за блестящую ручку. Не открылась. Нехорошее предчувствие вырвалось на свободу и требовало паники. Альбус передернул плечами и сел прямо на пол. Мебели здесь так и не было. — В чем дело, Поттер? – осведомился портрет. — Меня, кажется, решили здесь закрыть.. – прошептал Альбус, отчаянно пытаясь придумать, что же делать. У него не было с собой палочки. Она осталась в раздевалке. А игра.. А игра уже точно началась. Без него. А на замене… — Малфой!!! – завопил Альбус и схватился за голову. — Хм… — хмыкнул бывший профессор, — истинно поттеровской вопль, надо признать. — Сволочь! Предатель! – взвыл Поттер и рванулся к маленькому окошку у дальней стены. Окошко было закрыто тяжелыми, витыми прутьями решетки. Рука Альбуса сквозь них проходила свободно, а вот о том, чтобы просунуть туда бедовую голову не могло быть и речи. — Кто предатель, Поттер? Малфой надо понимать? – в голосе Снейпа прорезалось любопытство. — Именно, – буркнул Альбус, — у нас квиддич. Я – ловец. Малфой в запасе. Меня сюда приводит Адель и запирает. Все, я вне игры. Замена. Малфой – ловец… Интересно, как он уговорил Забини… — Забини значит – понимающе хмыкнул Снейп, — а с чего вы взяли, что это Малфой все придумал? В вашу голову, не отяжеленную объемом мозгов, по-видимому, не приходило, что мистер Малфой стал жертвой того же заговора. Слизеринского. — А?.. Нет, не приходило. – фыркнул Альбус. – И что теперь? — Да ничего. Сидите и ждите. Может, потом про вас и вспомнят. И думайте, являются ли данные действия детской шалостью, или вы кому-то банально наступили на хвост. — Я не наступал на хвост. Я вообще ничего не делал. — Ну, как же. И со Скорпиусом Малфоем вас не

связывают дружеские отношения? — Не знаю, — буркнул Альбус и, отвернувшись к стене, стал тихонько отковыривать местами облупившуюся краску. Больше Снейп ничего не сказал. Альбус повернулся, чтобы язвительно спросить, почему Снейп выгораживает Малфоя, но того уже на портрете не было. Чуткий слух уловил еле слышную возню у двери и твердый голос: — Алохомора! Дверь распахнулась. На пороге стоял Драко Малфой и смотрел на Альбуса с легким презрением, словно не ожидал, что сын Героя так легко попадется в простейшую ловушку. — Что?! – взвился Поттер. – Что вы тут делаете? — По-моему, тебя освобождаю, — хмыкнул мистер Малфой и, развернувшись, быстрым шагом покинул коридор. — И что это было? – спросил Поттер в пустоту. Поднялся и побрел на поле. Интересно, получилось ли у Скорпиуса выиграть? И по крикам и воплям с трибун, скандировавших «Слизерин! Слизерин!» понял, что получилось. Скорпиус крепко сжимал золотой мячик и прекрасное, ни с чем не сравнимое, чувство победы билось где-то в горле и вырывалось громким восторженным криком. Теперь Скорпиус без труда нашел отца и встретился с его чуть удивленным и восхищенным взглядом. Драко смотрел на сына, сжимающего в руке снитч, и вся гордость и теплота в его глазах была только для Скорпиуса. И маленький Малфой внезапно понял, поверил, что в его жизни все будет просто замечательно, что он благодарен Поттеру за эту победу, за то, что тот так вовремя исчез. Малфой догадывался, что это случилось не по его воле, но все-таки… все-таки он поймет. Скорпиус надеялся на это, но не мог быть уверен: ведь Альбус Северус Поттер был самым непредсказуемым человеком из всех, кого он знал, и это всегда вызывало в нем непритворное восхищение.

* * *

Камин привычно зашуршал: в пламени показалась растрепанная голова авроратского аналитика. — Гермиона? – удивился Гарри, подойдя поближе, — что случилось? Почему так поздно? – не то, чтобы он был против. Гермионе можно врываться в дом Поттеров когда угодно, но миссис Уизли - прирожденный жаворонок – до сих пор не спит. А раз не спит, значит, что-то произошло. — Гарри, он очнулся! – сказала она, как только увидела, что Поттер подошел к камину. — Идем? – он приглашающее протянул руку. — Пожалуй… — задумчиво ответила Гермиона и вскоре вся появилась в камине поттеровской гостиной. Пристально посмотрев на Героя, миссис Уизли поняла, что Гарри Поттер невыносимо одинок. Он не умел быть один: седина в волосах проступала отчетливей; зеленые, когда-то такие яркие глаза, потускнели; скулы заострились. Ее друг устало

опустился в кресло напротив, торопливо закурил и спросил: — Кто очнулся? — Тот самый, что ранил тебя в лесу. Гарри чуть встрепенулся, нечаянно задев кончиком сигареты кожу руки. Зашипел, отбрасывая ее в пепельницу, и пристально всмотрелся в лицо подруги, пытаясь понять, шутит она или нет. — Этого не может быть. Колдомедики сказали, он никогда не очнется. — Тем не менее… — упрямо повторила Гермиона Уизли, — он очнулся. И колдомедики разрешили тебе взять показания. — Дракон… — прошептал Поттер, и его лицо исказилось гримасой. — Может быть. А может, и нет. По крайней мере, он должен подробней рассказать о ритуале, кому и зачем это понадобилось. Зачем вообще надо было возрождать Серебряного дракона, и где он сейчас. Может, его давно в живых нет. — Джинни. Если бы дракон был мертв, она бы выздоровела, так? – глаза Главного аврора лихорадочно блеснули. — Не уверена, – покачала головой Уизли, — совсем не уверена. Но ты, наверное, прав. Дракон жив. И если мы не найдем его в ближайшее время, то надеяться будет просто не на что. — Ну что ты… – Гарри перебрался в ее кресло и обнял Гермиону за плечи, заметив, что подруга на пределе и вот-вот разрыдается, — мы же с тобой умеем надеяться и верить, когда надежды нет, правда? — Правда…

Глава 10

— Куда?! А ну – стой! – кричу перепуганному первокурснику-хаффлпаффовцу. Такие разини! Он шарахается в сторону и лопочет что-то про то, что «не знал, не видел, не хотел». Ну, конечно, не знал, малыш. Никто не знал и не хотел. Никто не виноват, что мы здесь разгребаем завалы, и даже вы, малыши, пытаетесь хоть чем-то помочь. Вот только этот камень свалился бы тебе на голову и никакая магия бы тебя не спасла. Устало вздыхаю, усиливаю голос сонорусом и кричу: — Всем до третьего курса включительно отправляться на обед и отдых. — Сдурел, Поттер? – раздается рядом надломленный, сухой голос Малфоя, — а кто работать будет? — Мы, — отвечаю коротко и протираю очки рукавом грязной рубашки. В этой пыли тяжело в очках… Молчит. Просто открывает рот, словно хочет что-то сказать, потом машет рукой и бредет в сторону, за большую треснутую колонну. Я знаю зачем. Иду следом. Молча курим, изучая друг друга в горьком, белом дыму. Серые глаза внимательны, в них нет ни насмешки, ни надменности, нет жизни. Они словно выцвели после этой войны. — Всем тяжело. Всем придется подниматься, Малфой. – говорю тихо. И прибавляю, сам не знаю зачем: — Ты не один. Серьезно кивает, а после истерично смеется: — Нет, не один. Нас тут пятнадцать таких. Отщепенцев. Изгоев. Это

он про слизеринцев. Не всем хватило мужества вернуться в родную школу. Малфоя запихал обратно отец – я более чем уверен. Типа восстановить родовую честь и так далее, вот только Малфою наплевать уже на все. Что-то сломлено внутри. И осколки больно режут всех, кто рядом. — Ты думаешь, кто-то обращает на тебя внимание, Драко? – нарочно называю по имени, и он вздрагивает. Отрешенность в глазах сменяется осмысленностью. Воодушевленный, продолжаю: — Всем наплевать на слизеринцев, да и на гриффиндорцев. Мы здесь просто взрослые, которые должны помочь восстановить школу. Ты здесь не нужен никому, Малфой. Приехал – терпи. Жестко. А как иначе? Никто не мог предугадать, что после всех сражений Хогвартс создаст защиту от любых магических воздействий и даже уборку будет воспринимать, как атаку. Умница Гермиона говорила что-то о том, что Хогвартс перенасыщен заклинаниями разного свойства, и теперь эту сеть надо расплетать. Но на это уйдет время, а детям надо учиться уже сейчас. И мы таскаем камни и убираем пыль. Руками. Вижу в его глазах отчаянье. Глухое. Беспросветное. Кажется, еще чуть-чуть и завоет. — Я знаю, что не нужен, – говорит тихо и порывается уйти, прикусив губу и низко склонив голову так, что пыльные, посеревшие пряди падают на лицо. Замираю. Сердце стучит быстрее. Протягиваю руку, чтобы

в последний момент удержать рукав перепачканной, а когда-то белоснежной рубашки. — Им не нужен, – мягко поправляю я. И замолкаю. Потому что нечего сказать. Гримаса на его лице больше пошла бы какому-нибудь зверьку. Резкое движение и он замирает рядом. Слишком рядом. — Может, тебе нужен? – его шепот звучит почти зловеще. Отвожу взгляд. Хватает мое лицо цепкими, холодными пальцами, силой заставляет посмотреть в глаза. — Теперь отстанешь со своей философией? – и шипящий шепот неприятно режет слух. Внезапно для него, да и для себя, крепко обнимаю. Хватит. Всем досталось на этой войне. Хватит боли. Хватит. Мы с тобой разделим ее. Ведь тебе больше не с кем разделить свою боль…

Теории и догадки

Идти в подземелья не хотелось. Альбус стоял возле раздевалки, скрестив руки на груди, и ждал Скорпиуса. Наконец Малфой, непривычно взлохмаченный и столь же непривычно сияющий, появился в дверях. Окинул взглядом хмурого Альбуса, нервно сглотнул и почувствовал, что улыбка сползает с его лица, как свежая краска под дождем. Альбус, не отлипая от стены, требовательно протянул руку. Скорпиус вопросительно приподнял бровь и нехорошо усмехнулся. Альбус уже и забыл, когда Малфой усмехался так в последний раз. — Метла, – спокойно сказал Поттер, с мстительным наслаждением наблюдая за Малфоем. Тот и правда схватил его метлу, так как доставать собственную не было времени. Глаза Скорпиуса злобно блеснули, верхняя губа чуть приподнялась, выражая презрение. Он с брезгливым выражением лица протянул метлу Альбусу, ничего не говоря. Альбус мрачно взял ее из малфоевских рук и принялся засовывать к своим вещам, сосредоточенно сопя. — Ал... – Скорпиус попробовал наладить контакт. Альбус повернулся и посмотрел из-под темной челки. Зеленые глаза выражали такую по-детски неприкрытую обиду, что Скорпиус сразу почувствовал себя несоизмеримо взрослее. Стало смешно. — Ты где был? – уже спокойней спросил Малфой. — А то ты не знаешь? — буркнул Альбус и с силой хлопнул дверью шкафчика. — Нет, – пожал плечами Скорпиус, — просто знаю, что ты исчез. — Так хотелось выиграть, да? – спросил Альбус и почувствовал, что из глаз брызнули злые слезы. Это было чертовски неправильно. Стоять вот здесь и позорно лить слезы перед Малфоем, который наверняка провернул все это, чтобы выйти на замену. Махнув рукой и до крови закусив губу, обиженный сын Героя кинулся прочь из раздевалки, чтобы вдоволь нареветься в школьном туалете. — Скорпиус, ты забыл…— раздался знакомый голос от двери, Альбус не успел среагировать и врезался с размаха в Малфоя-старшего. Мистер Малфой, не ожидавший приближения торнадо по фамилии Поттер (но не исключающий подобной возможности еще с одиннадцати лет), охнул от неожиданности и машинально подхватил мелкое недоразумение подмышки, приводя в вертикальное положение. Скорпиус, глядя на ошарашенного отца, с которого в момент слетела вся показная невозмутимость, и на Поттера, который теперь смотрел с не меньшей обидой, расхохотался, согнувшись пополам. Альбус хлюпнул носом, утер лицо кулаком и мрачно пробурчал: — Добрый день, мистер Малфой. — Здоровались,— машинально

ответил Драко и быстро схватил норовящего улизнуть Альбуса за руку. — Что тут, драккл вас побери, происходит?! – ругнулся он, неодобрительно косясь на сына, который уже почти лежал на скамеечке и никак не мог успокоиться. — Отец…— выдавил из себя Скорпиус,— Поттер считает, что я его закрыл. А тебя ведь закрыли, да? Кто это был? Нотт? Забини? Про Гойла не спрашиваю – мозгов бы не хватило… — Адель, – сквозь зубы ответил Альбус, неприязненно посматривая на длинные пальцы, украшенные фамильными перстнями, на своем рукаве. Мистер Малфой улыбнулся краешком губ и присвистнул: — Ну, естественно Забини, кто бы сомневался. — Я думал, это ты, – сказал Альбус, уже начиная понимать, что Скорпиус тут ни при чем. — Глупо, – пожал плечами мистер Малфой и жестом подозвал сына к себе, развернувшись к Альбусу идеально прямой спиной. — Мистер Драко! – окликнул его Поттер, и Скорпиус вздрогнул от подобной фамильярности, вдруг не на шутку испугавшись гнева отца. Но тот среагировал на удивление спокойно. Лишь чуть повернул голову: — Что, мистер Поттер? — А как вы вообще узнали, что я там? — А я и не знал, — ровно ответил Драко,— мне нужно было переговорить с профессором Снейпом. А это единственное место в Хогвартсе, где есть его портрет. * * * Ангус спал уже вторую неделю. Он значительно вырос. Альбус задумчиво ходил вокруг дракона и иногда благоговейно прикасался к его спине, чуть поглаживая явственно проступающие шипы. Роза Уизли сидела с книгой и изучала ее уже, наверное, час. Хьюго играл с Лили в карты, попутно поглядывая в окно. Внезапно его лицо озарилось улыбкой, и он радостно произнес: — Ну, наконец-то… Хлопнула размокшая дверь хижины, и в дверях показался Скорпиус Малфой в промокшей насквозь мантии. — Ой! – пискнула Лили,— ты весь промок. Снимай скорей. Скорпиуса не надо было долго упрашивать, он действительно промок и продрог. Хитро улыбнувшись, он высыпал из кармана все то, что набрал в «Сладком королевстве» и торопливо стянул с себя мантию, оставшись в темной водолазке и брюках. Роза строго посмотрела на брата и Лили, одним взглядом призывая их к тишине, и снова погрузилась в чтение. Альбус вскользь посмотрел на принесенные сокровища и только вздохнул. Ничего не хотелось. — Ал, — вдруг спросила Роза, — а как ты себя чувствуешь? — Нормально… — ответил Альбус,— а что? Скорпиус подошел к Розе, чтобы тоже заглянуть в книгу. В маленькой хижине было на удивление уютно. Совместными усилиями ребята набрали веток и устроили маленький костер, чтобы согреться. Трансфигурировали старое тряпье во вполне приличные одеяла. Подходило время

рождественских каникул, они должны были отправиться домой , поэтому пришлось срочно собираться, чтобы решить, что делать с Ангусом. Остаться в школе, ничего не объясняя родителям, они не могли, а объяснять – означало рассказать про Ангуса. Роза не расставалась с книгой ни на секунду и ей очень не нравилось то, что она узнавала. По всему выходило, что серебряный дракон должен получать магию извне, от своего хозяина. По сути, от того, на чьей крови завязан ритуал рождения дракона. Хозяином Ангус явно признавал Альбуса, но тот не отдавал ему ни капли своих сил, он не чувствовал слабости, которую должен был бы испытывать маг в этом случае. Розе казалось, что разгадка рядом, но она никак не могла понять, где именно. Скорпиус Малфой хорошо соображал и много читал, но пока тоже не мог понять, откуда взялся этот Серебряный дракон, ведь они давно уже вымерли. А самое главное – зачем? Ведь маг отдавал силу, жизнь для того, чтобы вырастить дракона. Надо быть настоящим фанатиком, чтобы сотворить такое. И самый главный вопрос – фанатиком чего именно? В чем суть создания Серебряного дракона? Ведь это не может быть бессмысленным? — Нам пора, – твердо сказал Скорпиус, оглядев их безумную компанию: трое гриффиндорцев (одна — книжный червь, которая считает себя взрослой; другая – безрассудное чудо, что делает все, что только в голову взбредет; третий – ни рыба ни мясо, шагу не может ступить без старшей сестры...) и два слизеринца, один из которых... да что говорить... одно слово – неугомонный… — Пойдем, — легко подпрыгнула Лили и потащила к выходу брата, который после каждого посещения Ангуса впадал какой-то ступор и почти не реагировал на внешние раздражители. «Неспроста» — подумала умница Уизли и подумала, что надо все-таки перечитать тридцатую главу. Она написана очень сложным и непонятным языком, но что-то в ней было… что-то… * * * Главный аврор быстро шел по больничному коридору. Позади робко открывались двери, и молоденькие медсестры осторожно выглядывали, чтобы посмотреть на кумира вживую. Да, Гарри Поттер часто попадал в Мунго, но любопытный персонал к нему, естественно, не подпускали. Его лечили самые опытные колдомедики, которым, что Герой, что не Герой – все одно. Рядом в ногу шла Гермиона Уизли, собранная и сосредоточенная, как никогда. Одновременно вытянув руки и толкнув дверь, они зашли в палату. Маг, лежащий на кровати, был очень стар. Морщинистое лицо, седые волосы. Увидев Гарри, он зашелся хриплым, жутким смехом. — Умолкни, – резко выдохнул Гарри, и пальцы сжались на полированном дереве его палочки. В больнице запрещено пользоваться магией – слишком велика вероятность

повредить лечебные заклятия, наложенные на каждую палату. Но рефлекса Герой сдержать не мог. Гермиона успокаивающе погладила его по плечу. — Кто ты? – уже спокойней спросил аврор. — Тот-кто-знает. — Знает что? Что тебе известно о серебряных драконах? — Существа, которые происходят от обычных драконов, называются серебряными из-за специфичной окраски. Накачанные магией, они многократно усиливают способности какого-либо мага, но того, на чьей крови проходит ритуал, обрекают на гибель, полностью поглощая жизненные силы. — Маги связаны? — Да. — Каким образом? — Гермиона говорит быстро и отрывисто, что выдает сильное волнение. — Кровное родство. — Зачем возрождать дракона сейчас? Никому не нужный, забытый ритуал... Так делали в эпоху первой магической войны, когда усиливали способности близкого человека, чтобы защитить его от смерти, даже ценой собственной жизни… — Гермиона словно читала учебник, говоря голосом, абсолютно лишенным интонаций. Лежащий перед ними маг не ответил. Лишь улыбнулся, глядя куда-то сквозь них. Гарри Поттер содрогнулся. Он понял. Переглянулся с Гермионой, в глазах которой тоже застыл самый настоящий ужас. Она тоже поняла. — Ты все понял, аврор! – насмешливо проговорил маг и вдруг схватил Гарри за руку, до боли вцепляясь длинными костлявыми пальцами. — Грядет война… — раздался его свистящий шепот… — мы ждали его долго… сильный, очень сильный… Сила дракона поможет… грядет война… Гарри показалось, что он проваливается в глубокий темный обморок. Постепенно придя в себя, он тряхнул головой и понял, что лежащий перед ним человек мертв. * * * Джеймс Поттер нашел Розу в гостиной Гриффиндора. Она снова читала. — Рози, — он несмело положил руку ей на плечо. — Ай!— сестра вздрогнула и укоризненно на него посмотрела, — чего тебе? — Мне надо с тобой поговорить. Говорить с Джеймсом не хотелось. Хотелось вгрызаться в книгу, прокладывая путь к такой желанной разгадке. Но Роза была девочкой вежливой, поэтому она только вздохнула и, загнув уголок страницы, которую читала, приготовилась слушать. — Ты слышала что-нибудь о проклятии, забирающем силу у мага? Что-то щелкнула в голове, будто упрямая мозаика начала наконец-то складываться… — Как именно? – с интересом спросила девочка. — Уходит магия. Слабость. Уходит жизнь… — последние слова Джеймс проговорил глухо, сжав пальцы в своей густой шевелюре. — Я не знаю… Ты теоретически или такой человек есть? Просто я сейчас читаю кое-что и то, что ты говоришь, похоже… — Роза прикусила язык и мысленно дала себе пощечину – чуть не проболталась! — Практически, – ответил Джеймс, и Роза увидела,

что его глаза полны слез. Она никогда не видела, чтобы Джеймс Поттер плакал. Вот Альбус – да. Ревет постоянно. От злости, радости, боли… А Джеймс – никогда. Что же случилось? — Мама. Она умирает. — Ты что?! – вскрикнула Роза, — не шути так! Тетя Джинни в порядке… или… Стало тихо. Тишина звенела, и лишь потрескивал камин. Роза слабо вскрикнула и уронила книгу на пол. Она и представить себе не могла, что дело касается ее семьи. Есть много проклятий, разрушающих тело и душу. Она не настолько еще углубилась в ЗОТС, чтобы познать это. — Когда это началось? – спросила она. — Не знаю… нам ничего не говорили. Еще перед Хогвартсом... ей стало плохо. Но она убедила нас, что все нормально. Альбус рассказал. А он узнал в больнице. Спасибо, что выслушала...я пойду. Джеймс тяжело поднялся и побрел в спальню. Роза накрутила кончик косы на палец и резко дернула. Боль помогала справиться с оцепенением. Джинни… Альбус… Джеймс… Гарри… Ангус… все смешалось в голове, не желая складываться в цельную картинку. Роза интуитивно чувствовала, что все события связаны между собой, но как же именно… Догадка пришла внезапно. — Не может быть… — прошептала она. Слишком невероятно. Слишком неправдоподобно. Да кто она такая, чтобы делать такие выводы? Роза взглянула на часы и рванулась из комнаты. До отбоя 10 минут. До слизеринских подземелий можно добежать за семь. Если очень быстро бежать. * * * Джинни Поттер приподнялась на постели. По телу будто прошел электрический разряд. Она скинула опостылевшую шаль, подошла к зеркалу. Провела расческой по тусклым свалявшимся волосам. Улыбнулась тонкими бескровными губами своему отражению. Порылась в тумбочке, где женщины обычно хранят всякую ерунду, и выудила из кучи уже ненужной косметики маленький кусочек мела. Очертила круг посреди комнаты и села на колени внутри него, разведя руки в стороны. С губ сорвались напевные слова древнего забытого языка. Правая рука с зажатой палочкой совершала плавные движения в такт словам. Если бы здесь присутствовал кто-либо из магов, он бы понял только некоторые слова произносимых заклинаний. Такие, как «Протего»…

Глава 11

Пепел, лениво кружась, летит вниз. Стоя здесь, на пронизывающем ветру, я просто смотрю, как с моей сигареты слетает пепел. Кружевной. Красивый. Я схожу с ума. Если посмотреть вниз и направо, то можно увидеть, как свет бьется в одном из окон Гриффиндорской башни. Не спишь. Ждешь. Вдыхаю сырой, морозный воздух и неспешно иду вниз. Ты — староста не только факультета, но и всего Хогвартса. Практически на должности преподавателя. Макгонагалл спит и видит, как Герой войны остается в Хогвартсе преподавать. Да только плевал он на вас всех с высокой башни. Гриффиндорской. Староста — да. Помочь выгребаться из-под обломков… куда уж тут без истинно гриффиндорского идиотизма… Подхожу к двери в Гриффиндор. Скажи мне кто-нибудь каких-нибудь три года назад, что буду стоять вот так возле гриффиндорской гостиной, и, быстро оглядываясь, чтобы не дай Мерлин, никто не увидел, шептать их пароль, чтобы встретиться с ненавистным Поттером (к которому уже не испытываю ненависть), метнул бы непростительное, не раздумывая.

Прохожу в гостиную. Глаза режет изобилие красного. Безвкусица. Поттер как всегда, сидит в кресле, скрестив ноги, и смотрит в огонь. Глаза отражают свет, и кажется,

будто пламя пляшет прямо в обезумевших зрачках…

— Не спится, герой? — повторяюсь… Кажется, это я уже спрашивал. На прошлой неделе.

Молчит. Он стал молчать очень часто. Но я привык. Подхожу и молча сажусь прямо на пушистый ковер. Молчим. Смешно. Я прихожу сюда, чтобы помолчать.

— Скажи мне, звереныш, — голос хриплый, так говорит человек, который долго не разговаривал, — если многих нет, а ты живешь и живешь… живешь и живешь… и не понимаешь зачем, как жить?

— Я не знаю, Поттер.

Тишина. Чувствую, как на плечо падает капля, быстро намочив тонкую рубашку.

— Наверное, для тех, кто жив, герой, — хочу, чтобы вышло насмешливо, а выходит утешением. Разворачиваюсь и обнимаю его за чуть вздрагивающие плечи. У нас всегда так. То я срываюсь в истерику, то он. Иногда вместе: тогда злость выплескивается, вырывается на свободу, кто-то наносит удар первым, и мы деремся. Долго, отчаянно. До крови. Но никогда не используем магии.

Сюрреализм. Весь мир — вверх дном. И мы не на вершине, а в самой глубокой из всех ям.

Пробуждение Дракона

Роза в бессилии прислоняется к закрытому входу в подземелья Слизерина и с досады ударяет по нему ногой.

— Уизли? Ты чего, сдурела? — рядом стоит Чарли Нотт и подозрительно разглядывает гриффиндорку.

— Позови Скорпиуса или Альбуса. — твердо говорит она.

— Еще чего? Ты перепутала направления, Уизли, тебя ждет Гриффиндорская башня, там все уже, наверное, потеряли свою светлую головушку.

— Заткнись, придурок,— сквозь зубы выдает Роза и думает, что мысль придти сюда была абсурдной с самого начала. Она готова развернуться и убежать от этого ехидного голоса и таких колючих глаз, но Нотт внезапно что-то приглушенно шепчет и, распахнув дверь, кричит:

— Малфой, выползи, тебя тут Гриффиндор требует.

Взъерошенный и очень нервный на вид, Малфой появляется на пороге и цедит Чарли сквозь зубы:

— Исчезни, Нотт…

Нотт кривится, что-то шипит угрожающе, но быстро исчезает в гостиной Слизерина. «Как змея», — думает Роза.

— Что, рыжая? — спрашивает быстро, в глазах нет привычной насмешки — одна сплошная тревога. Такая явная, что сердце екает.

— Я поняла. Про Дракона.

— Понятно, — тихо говорит Скорпиус и прибавляет тоскливо, глядя в сторону:

— Альбус опять пропал.

— Куда? — Роза склоняет голову набок, явно намереваясь получит вразумительный ответ. Потом охает и зажимает рот рукой.

— Что?! Да не молчи уже, и без тебя тошно. — Скорпиус нервно сглатывает и приглаживает топорщащиеся вихры.

— Он с Ангусом. Пробуждение Дракона. Серебряный Дракон. Он пробудится. А тетя Джинни… умрет.

— Ты что, с ума сошла?! — орет Малфой и трясет девочку за плечи изо всех сил.

— Пусти, придурок! — взвизгивает Уизли и отпрыгивает в сторону, неловко подвернув ногу.

— Больно? — сочувственно спрашивает Скорпиус.

— Больно,— соглашается она и поднимает умоляющие глаза на Скорпиуса,— его надо остановить. Это правда, поверь. Надо срочно сказать Гарри, он придумает, как уничтожить Ангуса…

Скорпиус чувствует, что ноги подкашиваются... Уничтожить.. .неугомонный…он же не сможет его уничтожить. Он же не знает... всю жизнь потом будет себя винить в смерти матери.. какой кошмар!!!!

— Чего встала... пока будем искать Макгонагалл, случится все, что должно случиться. И все. Поэтому бегом!

Они бегут, не думая, что могут наткнуться на престарелого завхоза или старост. Просто бегут, понимая, что должны успеть... иначе….

* * *

Возле Визжащей хижины две фигуры. Одна повыше. Позы у обеих напряженные, палочки направлены друг на друга. Скорпиус с ужасом осознает, что второй — это Джеймс. Его губы упрямо сжаты, весь словно натянутая пружина; даже на расстоянии слышится его шумное дыхание. Альбус же, напротив, предельно сосредоточен, его глаза горят странным блеском, а всю фигуру будто окутывает еле заметное сияние.

Роза застывает, некрасиво открыв рот, а Скорпиус просто громко произносит:

— Поттер! — еще не решив, к какому именно Поттеру он хочет обратиться. Наверное, к обоим.

Ни один не поворачивается.

— Убей тварь, — шипит старший.

— Это не тварь, — возражает младший. — Я не могу, Джеймс, что ты? Он живой. У него сердце бьется.

— Придурок,— выплевывает Джеймс, — это же серебряный дракон, вы же читали, Роза же читала…мне Хьюго все рассказал. Слабость, отток магии. Неужели, ты не понял?! Это же мама! Это она отдает силы твоей твари. Она умирает! — по щекам Джеймса текут слезы.

— Не верю! — упрямо качает головой Альбус. — это просто совпадение. Мама выздоровеет, а Ангус... он.. Я отпущу его, когда проснется. Пусть летит. Теперь ему, конечно, нет места здесь.

— Уйди с дороги,— обреченно произносит Джеймс.

— Как ты догадался, Джим? — спокойно спрашивает Роза. «Тянет время.» — понимает Скорпиус и с ужасом думает, что кому-то из них надо было вызывать помощь, что они не справится с уверенным в своей правоте Альбусом. Даже втроем. Он это просто чувствует. Магическая энергия струится вокруг младшего Поттера, закручивается еле видимыми нитями в легкий узор. Словно кто-то плетет сеть защитных заклинаний.… Им Аберфорт показывал, как работают защитные чары. Но это во много раз сильней.

— Я же не дурак, Рози.… Я следил за вами,— ровно отвечает Джеймс. Я же понимал, что вы все куда-то исчезаете не просто так. Плюс книги из запретной секции,— он усмехнулся.

— Откуда? — удивилась Роза.

— Оттуда, — чуть насмешливо проговорил Джеймс, продолжая держать Альбуса под прицелом. — Есть у меня… друзья..с доступом. Неважно. Я вспоминал, как чувствовала себя мама, я искал… Кровь. Все дело в крови. Если тварь признала Ала хозяином, то отдающий силы — кровный родственник. А дальше — уже совсем просто, — спокойно ответил Поттер, продолжая пристально следить за каждым движением брата. Еще немного потерпеть, еще чуть-чуть - и здесь будет отец. Он все рассказал отцу, потому что он должен успеть спасти маму. Должен. Успеть. Должен.

— Это неправда,— с нажимом сказал Альбус и вдруг вскрикнул. Перед хижиной с резким хлопком аппарации появились Гарри Поттер и Гермиона Уизли.

Главный аврор смотрел на сыновей спокойно, ровно. Но Скорпиус Малфой заметил, как дрожат его пальцы, сжимающие палочку, как на бледном лбу выступает пот. Наверное, никогда еще в своей жизни Главный не нервничал так, как сейчас, стоя перед двумя сыновьями, готовыми напасть друг на друга.

Альбус посмотрел на отца, виновато улыбнулся и задорно крикнул:

— Ступефай! — мгновенно отбрасывая старшего брата прямо в объятия Гермионы. А сам быстрым движением скрылся в хижине. В полной тишине, Гарри Поттер помог Джеймсу подняться, потрепал его по голове и отрывисто бросил Гермионе:

— Уведи детей.

Та коротко кивнула и взяла за руки поникшего Джеймса и напуганную Розу. Строго кивнула Скорпиусу, одним только взглядом требуя подойти и следовать за ней. Скорпиус упрямо мотнул головой. Он не уйдет. Пока не узнает, что с Альбусом. И Гермиона Уизли ничего не сможет с этим поделать.

— За мной, Малфой! — строго повторила миссис Уизли и сказала нетерпеливо и зло:

— Если ты будешь медлить, то я, вероятно, не успею вас отвести и помочь Альбусу.

Наверное, не зря она аналитик. С таким аргументом даже Скорпиус Малфой не мог не согласиться.

— Альбус… — Гарри переминается с ноги на ногу, глядя на сына, который закрывает собой Серебряного дракона. Того самого дракона, которого он, Гарри Поттер, ищет уже несколько месяцев. Того самого, что медленно и методично уничтожает магическую

сущность Джинни Поттер, то есть забирает жизнь. Ведь волшебники, лишенные магии не становятся людьми. Они умирают.

— Папа… — аврор с ужасом понимает, что Альбус плачет:

— Папа, — шепчет он, не надо... он же живой… это же Ангус. Мама? Я не понимаю... папа…

Гарри Поттер чувствует необыкновенную защиту, что-то древнее и явно темномагическое. Никто сейчас не сможет причинить даже малейшего вреда его сыну. Вот только медлить нельзя. Еще немного и Джинни умрет. Она уже впала в кому, когда он отправился сюда. Не было времени разбираться во всех этих письменах, он не стал разбираться, зачем его жена чертила круги по своей спальне. Он просто аппарировал сразу же, получив сообщение от Макгонагалл, что его сын снова вляпался в неприятности. Переговорив с Хьюго, а потом и с заплаканной Лили, понял, что пытливые подростки разгадали тайну, которая никак ему не поддавалась. Разгадали, потому что именно у них был Серебряный дракон.

Как он оказался у Альбуса, каким образом секта смогла передать вылупившегося дракона сыну? Как был проведен ритуал на крови Джинни с привязкой к Альбусу? Зачем это нужно?

«Мать всегда защищает своего ребенка. Всегда». — Вспомнились ему слова Джинни. «Всегда защищает своего ребенка»…в голове начала складываться связная картина.

Альбус лежал, прижавшись к серебристому боку дракона, и что-то шептал ему в голову, почти касаясь губами переливающейся чешуи.

Внезапная догадка — Альбус… Это Альбус изначально хозяин Серебряного дракона, возрождение должно было происходить на его крови. И он бы просто умер. А Джинни…. узнала каким-то образом (как?!) и спасла Альбуса? Так получается? Что-то не стыкуется... мозг работал лихорадочно быстро, Гарри потихоньку, дюйм за дюймом, приближался к сыну.

Главный Аврор почувствовал легкое покалывание в месте широкого кожаного браслета на руке. Группа боевых магов ждала за порогом. Но сначала надо было увести Альбуса. Они будут ждать приказа и не двинутся с места, пока Гарри не подаст знак.

Дракон чуть шевельнулся. Длинно и протяжно вздохнул. Пошевелил тяжелыми кожистыми крыльями. Альбус прижимался к нему всем телом, и, казалось, спал. Его веки были плотно сомкнуты, на шее билась синяя жилка, а лицо было очень бледным. Гарри попытался спеленать дракона «инкарцеро», но веревки только отскочили от него, отбрасываемые мощным защитным полем. Гарри показалось, что он слышит знакомый

голос, что ласково и тихо шепчет последнее и победное:

— Протего…

Становится нестерпимо холодно, будто потерял что-то ужасно важное в жизни. Дракон сбрасывает безвольное тело Альбуса и стремится вверх, снося простенькую крышу. Гарри не в силах шевелиться. Он знает, что на него нападут, что Ангус долго не протянет. И знает теперь кое-что еще. Он кидается наружу и орет во все мощь:

— Не трогать! Не сметь!

Авроры застывают по команде, но палочки направлены на улетающего дракона. Он не серебряный. Простой.

— Папа, нет!!! — Альбус тонкой, быстрой тенью кидается к отцу, повиснув на его руке. Главный аврор шипит на подчиненных, и они убираются прочь.

— Он улетел… — вздыхает Альбус и счастливо улыбается.

— Точно, — тихо говорит Гарри, думая, что сил нет и что вот сейчас… Появляется патронус Рона. Забавный зверек-куница со смешливой мордочкой, он произносит устало и глухо:

— Ее больше нет, Гарри.

И мир маленького Альбуса Поттера разрывается на тысячи мелких холодных осколков.

* * *

— Гермиона, я все равно не могу понять... Он перестал быть серебряным?

— Да, именно. Это же был простой дракон изначально, просто он был накачан магией Джинни. А с ее смертью магия ушла к Альбусу через дракона, который признал его хозяином.

— Выходит, она знала, что он будет у Альбуса? — тихо спросил Гарри и тут же сам ответил:

— Нет. Она не могла этого знать. Значит…

— Дракон не смог бы признать никого другого, они связаны. В ночь пробуждения Альбуса потянуло бы к нему. Он нашел бы способ слинять из Хогвартса, как много раз до этого. А так как мальчик привязался к дракону — защита сработала как нельзя лучше. Джинни сделала свой выбор. Она сама хотела обеспечить защиту Альбуса.

— Зачем и от кого?

— Я не знаю, Гарри. Но то, что ритуал был с ее согласия — очевидно. Она завершила его в ту ночь. Альбус теперь необыкновенно сильный маг на некоторое время. Потом заимствованная сила уйдет. Но в ближайшие годы, он практически неуязвим. Даже для Авады. Я не понимаю, почему именно Альбус. Я не понимаю, зачем такой древний ритуал: если

она чувствовала опасность, то могла просто сказать тебе... Я не знаю, Гарри. Наверное, когда-нибудь мы узнаем, почему Джинни пожертвовала собой. Но детям лучше не говорить.

— Я понимаю,— ответил Гарри и склонил голову, на которой значительно прибавилось седины.

* * *

Альбус и Джеймс были дома. Их не взяли на похороны матери. Гарри настоял. Вообще он хотел отправить их вместе с Лили в Хогвартс, но все остальные уговорили его — сыновья должны побыть с отцом.

Мальчики сидели друг напротив друга, сверлили друг друга неприязненными взглядами и молчали.

— Мама всегда говорила, что ты — солнышко,— вдруг сказал Альбус, и по щеке поползла слеза.

— А ты — тучка, — ответил Джеймс и коротко всхлипнул.

Джеймс уже не считал Альбуса виновником всех бед. Отец объяснил, что никакого дракона не было. Вернее был, но просто дракон, обычный. И он улетел. А мама умерла от болезни. Джеймс поверил, тем более, что абсолютно не хотелось начинать вражду с Альбусом. На это у старшего из сыновей Поттера банально не было сил.

Джеймс вдруг разрыдался. Он плакал, всхлипывая и наклонив голову, и Альбус, внезапно подскочив, крепко его обнял и разревелся сам. Они плакали, цепляясь друг за друга, иногда всхлипывание прерывало торопливое «а помнишь?», и они рассказывали, рассказывали взахлеб другу о маме, будто боясь упустить, забыть самое главное. За окном темнело, а они все ревели, отдавая всю боль и горечь во вне. И внезапно уснули, сморенные усталостью, общим горем.

Когда Гарри зашел в комнату, то увидел, что сыновья крепко спят, трогательно свернувшись калачиком, обнявшись, вцепившись друг в друга, будто утопающие за соломинку. Он подошел, укрыл их пушистым пледом. Альбус заворочался и теснее прижался к брату. Гарри погладил его по грязной от слез щеке, провел рукой по спутанным волосам, аккуратно убрал рыжую прядь со лба Джима и поцеловал опухшие веки. Порывисто обнял обоих, спрятав лицо в их соприкоснувшихся плечах, и понял, что плачет в первый раз за последние двадцать лет.

Глава 12

Он стоит у окна. Гибкий, тонкий. Такой чужой и отстраненный. Свет, льющийся снаружи,словно прошивает его насквозь. Чуть поворачивает голову, изучающее смотрит на меня. Я жду ответ. Я просто жду ответ, сидя в углу, прислонившись к стене. Просто жду и на лице — никаких эмоций.

— Я не могу, — сдавленно произносит и он и снова отворачивается.

Я тоже не могу. Я бы наплевал на всех, Малфой. Наверное, я бы смог. Я — эгоист? О, да, вы даже не представляете какой.

Что? В твоих глазах — самые настоящие слезы. И еще чувство вины не покидает тебя. Колет колючими, ядовитыми иглами. Чувствую. Идиот. Ты что думаешь, я переживаю, что ли? Да мне все равно. Что скажут, что сделают. Иди, куда хочешь. Я устал. Ты был нужен мне как воздух, только ты знал, что и понимал, что происходит со мной. Был моим отражением здесь, в Хогвартсе. Но теперь шаг за грань. Шаг в новый мир. И теперь я могу дышать сам. Точно могу.

— Я устал, Драко, — говорю тихо и закрываю глаза, в надежде, что когда я их открою — останусь в комнате один. Как бы не так. Жалкое, упрямое создание.

— Ты жалок, Малфой,— говорю сквозь стиснутые зубы.

— Нет, — он шумно сглатывает. Мотает головой из

стороны в сторону.

Ты уйдешь. И мы не увидимся больше. Какая, к дементору, разница? «Равнодушие убивает» — всплывает фраза, сказанная неизвестно кем. Точно. Убивает.

— Гарри,— вдруг произносит он, — Гарри... — уже тише.

Нет сил, нет слов, ничего нет.

Наклоняет голову набок и смотрит насмешливо. Настолько насмешливо, что я вижу, как в глубине зрачков боль свернулась гротескным зверем и давит на меня чернотой.

Нет смысла что-либо говорить. Я мгновенно понимаю, о чем он. Усмехаюсь. Кивком указываю на дверь. Молча встает и легко идет. Будто так надо. Спина прямая, под темной водолазкой топорщатся острые лопатки. Смотрю вслед и улыбаюсь. С облегчением. Все позади. И Драко Малфой, Пожиратель смерти, трус и предатель, тоже. Но…

Я помню. Я шел умирать. И единственный, кто безрассудно встал у меня на пути — был он.

То, что всегда с тобой

В Большом зале шумно. Здесь всегда так, но сегодня студенты особенно разошлись. Последний учебный день — это все-таки событие.

Для Альбуса Поттера — это событие вдвойне, ведь за этот год он столько всего пережил. И слушая торжественную речь директора, он понимает, что действительно «стал взрослее». И что это не просто слова, сказанные для подобающего случая. Он действительно стал взрослее. «И дело не в том, сколько тебе лет, а в том, какие мысли в твоей голове», — с грустью думает Альбус и крепче прижимает к себе Лили. Чуть дальше, напротив него сидит Скорпиус Малфой. Сегодня он сел вместе с ним за гриффиндорский стол и чувствует себя явно неуютно, вяло ковыряясь вилкой в своей тарелке. Лили, притихшая и настороженная, словно маленькая птичка-колибри, которую вспугнули неосторожным жестом, сидит между братьями, уткнувшись Алу в плечо. Джеймс рассеяно смотрит перед собой, в янтарных глазах больше нет ни гнева, ни высокомерия. Там только горечь. Джеймс стал угрюмым, мало общался с однокурсниками и только с Алом иногда перекидывался незначительными фразами о квиддиче или предметах, сталкиваясь в коридорах или за обедом.

Лили Поттер же осталась прежней, лишь иногда в глубине карих глаз мелькало что-то серьезное, что изменило девочку навсегда.

Скорпиус внимательно смотрит на Альбуса и почему-то вспоминает, как через три дня после похорон матери братья вернулись в Хогвартс. Угрюмый Джеймс и спокойный, словно умиротворенный Альбус.

В тот день за столом объявили минуту молчания в память о героине войны, Джиневры Поттер, тогда все встали и молча стояли, а Скорпиус думал, что во всем этом нет ни малейшего смысла. Что Джиневре Поттер это уже абсолютно все равно, а ее дети вряд ли нуждаются в повышенном внимании со стороны студентов и преподавателей.

— Ал,— Скорпиус прикоснулся к рукаву друга, чуть сжав запястье, заметив, что тот витает в облаках.

— Что? — Альбус удивленно посмотрел на друга, словно припоминая, должен ли здесь находиться младший Малфой.

— Давай пересядем? — чуть хрипловатый голос выдавал сильное волнение.

— Зачем? — прошептал Альбус, с опаской косясь на преподавательский стол: если заметят болтовню, снимут баллы прямо перед объявлением итогов.

— Не могу здесь больше… Пойдем к своим… — Альбус скривился, но послушно встал с места, чтобы пересесть за слизеринский стол. «Свои»… ну да. Свои. Хоть и сыграли с ним злую шутку, заперев его тогда со Снейпом во время матча Слизерин/Хаффлпафф, хоть и относились все так же неприязненно, но все равно свои. Слизеринцы. А то, что он действительно слизеринец, Альбус понял и принял как должное. Отец объяснил ему, что их род ведет начало не только от Годрика Гриффиндора, но и от Салазара Слизерина, а значит, нет ничего удивительного в том, что он попал на его факультет. Вот только отец просил об этом не распространяться. Альбусу и некому было распространяться. Скорпиусу рассказал, как же было тайной не поделиться? А остальных его происхождение и не волновало.

— Кубок по квиддичу в этом году уходит к Рэйвенкло! — гром аплодисментов прокатился по залу.

Альбус подходит к своему столу. Он больше не сидит с краю. Он лениво и равнодушно указывает на место посредине своего курса. Забини окидывает его неприязненным взглядом и двигается, уступая. Скорпиус чуть улыбается и думает, что Поттер абсолютно не замечает, как изменился. Он просто искрит странной, неведомой силой, которую невозможно не почувствовать. Нотт чуть отодвигается, и Альбус внезапно оказывается один: все слизеринцы инстинктивно отодвинулись как можно дальше. Скорпиус торопится сесть рядом, чтобы заполнить это пространство, от которого за версту веет страхом и неприязнью. Ничего, все будет хорошо — твердит себе Скорпиус. Все будет хорошо ведь иначе и быть не может, правда?

Поттеру же жутко обидно за сданный матч. Рэйвенкло! Кто бы мог подумать. Но после смерти матери он играл из рук вон плохо, и даже замена Малфоем не спасла. Скорпиус уступил снитч рэйвенкловскому ловцу, девчонке Индире Кришт. Ловкая и быстрая пятикурсница увела его у Малфоя прямо из-под носа.

— А теперь давайте посмотрим, кто выиграл кубок школы в этом году. Учащиеся притихли. Возня прекратилась мгновенно. Первокурсники уставились на директора с благоговением — еще бы, первый кубок! Старшие курсы смотрят со снисхождением, но и в их глазах горит нетерпеливый огонек.

— Хаффлпафф — 150 баллов! Мои поздравления.

Вежливые хлопки, хаффлпаффовцы недовольно вздыхают. Но в то же время, это — облегчение. Не надо сидеть и трястись, Альбус смотрит на них чуть ли не с завистью.

— Рэйвенкло — 180 баллов! Поздравляем, так держать!

Рэйвенкловцы абсолютно всем довольны. Им и не нужно большего. Был бы доступ в библиотеку и хорошие учителя. "Странные они, рэйвенкловцы", — думает Скорпиус.

— Слизерин — 200 баллов! Молодцы!

Скорпиус чувствует, как сердце забилось быстрее. Все — таки не первое место. А как иначе? Одни баллы, снятые за их с Поттером памятное отсутствие, чего только стоят…

— Гриффиндор! — голос директора преисполнен гордости за любимых львят. Что и говорить — популярный факультет. Золотое трио, герой Невилл Лонгботтом, да и сам Альбус Дамблдор учились там. — 220 баллов!

Красные флаги развеваются тяжелыми полотнищами над столом. Скорпиусу же хочется забраться под этот самый стол и не вылезать до окончания банкета.

— Рада вам объявить, что мы решили вернуть традицию начисления дополнительных баллов за особые заслуги, — хитро улыбается Макгонаголл, будто вспомнив что-то хорошее.

— За преданность, дружбу и находчивость Роза Уизли и Скорпиус Малфой получают по двадцать баллов. За рационализм и умение вовремя принять нужное решение Хьюго Уизли и Джеймс Поттер получают по 10 баллов.

Зал ревет и мечет, гриффиндорцы радостно вздыхают — решение не повлияло на результат.

— Но. — Макгонагалл улыбается и с легким прищуром смотрит на Альбуса Поттера, — за храбрость и смелость, находчивость и верность своим принципам Альбус Северус Поттер получает 50 баллов.

И красные флаги как по команде сменяются зелеными с серебром. В первый раз более чем за 20 лет.

Наступает тишина. Чей-то портрет испуганно ойкает.

— Слизерин! — произносит Макгонагалл и тяжело опускается на стул.

Слизеринцы сидят ошарашенные, не в силах даже радоваться. Альбус Поттер и Скорпиус Малфой вытащили весь факультет.

— Все правильно,— вдруг произносит Угхарт. — из-за вас двоих факультет постоянно терял баллы. Вы просто вернули то, что и так принадлежало нам… поэтому никакой благодарности вы не получите. Это понятно?

— Знаешь что? — вдруг говорит Альбус, резко поднимаясь, — засунь свою благодарность себе в… — и он наклоняется, чтобы шепнуть старосте прямо в ухо, куда именно он должен засунуть факультетскую благодарность.

Угхарт краснеет, кулаки сжимаются, а наглый Поттер просто

пробирается к выходу из зала. Скорпиус следует за ним, наградив слизеринцев надменным, истинно малфоевским взглядом. Он тенью идет по коридорам за Альбусом Поттером. И какая-то неприятная мысль гложет его, но он не может понять, какая именно. Будь Скорпиус постарше, он бы понял, что просто боится. Боится навсегда остаться лишь тенью Альбуса Поттера.

Но это же пустяки, ведь это его знакомый, неугомонный Поттер, который к тому же тепло ему улыбается, когда они выходят на воздух.

— Достали, — беззащитно улыбается он.

— Точно, — кивает Скорпиус и серьезно говорит:

— Ты будешь писать?

— Что бы ты мне ответил — да, нет, не знаю?

Скорпиус пожимает плечами и говорит, залихватски подняв бровь:

— Да. Именно, Поттер.

— Тогда, конечно, буду, Малфой! — смеется Альбус и, глядя в безоблачное, июньское небо, верит, что все будет хорошо.

Он протягивает руку вверх и, кажется, еще чуть-чуть и дотянется до облаков. Рукав свободной белой рубашки под мантией съезжает, обнажая предплечье. Там рисунок. Серебристый, словно сотканный из тумана, дракон. Он не похож на татуировку, это что-то волшебное, легкое, невесомое.

— Можно? — тихо спрашивает Скорпиус и, получив утвердительный кивок, касается рисунка кончиком пальца. Он уже разглядывал его, когда тот только появился на руке друга. Альбус даже не удивился. Он вообще был очень странным после приезда. Спокойным. Не истерил, не кричал, как Джеймс, не плакал, запершись в туалете, как маленькая Лили. Он был абсолютно, непроницаемо спокоен. И этот рисунок, внезапно появившийся на коже…

Скорпиус помнит, что он чуть шероховатый, словно чешуйки мягко пробегают под пальцами, топорщатся в точности как у Ангуса, к которому Малфой успел по своему привязаться.

Альбус терпеливо ждет, пока Скорпиус снова исследует его руку.

— Дракон, — хмыкает он, — кто бы мог подумать.

— Ага, — грустно кивает Альбус.

— Скучаешь? — спрашивает Скорпиус в лоб, думая, что все-таки, если бы это случилось с его мамой, он бы... он бы… Даже слезы на глазах от одной только страшной мысли.

— Да, — просто отвечает Альбус и снова смотрит в небо. Пока не начинают слезиться глаза. Слезы ползут по щекам, и он нетерпеливо встряхивает головой, пытаясь их смахнуть.

— Ты же знаешь — она с тобой, — к ним подходит Дамблдор. Он кладет руку на плечо мальчика , - поэтому не стоит плакать, маленький Поттер. Она отдала тебе все, что смогла. Зачем, никто не знает, но важно то, что теперь она навсегда с тобой. Она отдала всю силу своей любви тебе. Не сестре, не брату. Тебе.

— Я знаю, — сипло сказал Альбус, стараясь справиться с волнением, комком подступающим к горлу, — я чувствую.

Он и правда чувствует. Это то, что не передать словами. Что-то, сотканное из неуловимых жестов и недосказанных слов. Это — как ветер и предрассветный туман, как неосязаемая дымка и легкое прикосновение. Это — прелесть материнского взгляда и необходимость чувствовать материнскую ласку.

— Это то, что всегда с тобой, — словно прочитав мысли мальчика, говорит Дамблдор.

Альбус поворачивается и в невыносимо зеленых глазах вопрос. Самый важный. Самый страшный.

— Ведь это из-за меня, да?

— Да, — говорит Аберфорт и прикрывает глаза, словно прислушиваясь к своим ощущениям, — из-за тебя.

— Не говорите так, — твердо говорит Малфой и смотрит на профессора с нескрываемой злостью.

— Я не к тебе обращаюсь. У тебя другое воспитание, другой взгляд. Альбус, — говорит он, — это ее выбор. И тебе с этим жить. Просто жить. Потому что она так хотела. Ритуал подобной силы проводят только в случае смертельной опасности, а раз с тобой все порядке, значит, она сберегла тебя.

— Не надо! — выкрикивает Поттер и кидается прочь.

— Зачем? — укоризненно спрашивает Скорпиус, смотря ему вслед.

— Ты знаешь, кто такой Альбус Дамблдор? — спрашивает Аберфорт.

— Слышал, — уклончиво отвечает Скорпиус, недоумевая, к чему это профессор помянул знаменитого брата.

— Кто такой Гарри Поттер, я думаю, тебе известно.

— Еще бы, — хмыкнул Малфой.

— Самое страшное,— глухо произносит Аберфорт, — самое страшное, что делал Альбус Дамблдор в своей жизни, — это то, что он всегда использовал всех в своих целях. Благих, несомненно. И особенно Гарри Поттера. Ложь победила, мальчик. Ложь, а вовсе не сила добра, как принято считать. Правильная, тщательно выверенная ложь. Я тоже Дамблдор. И я не буду врать Поттеру. Именно из-за него погибла Джиневра Поттер, но это — ее выбор. И он должен это принять.

Скорпиус молча смотрит на Аберфорта и отстранено думает,

что неугомонного надо найти до отправки домой. Иначе он снова вляпается во что-нибудь сгоряча. Нет, ну точно ведь вляпается…

Эпилог

Пустота. Это самое точное слово. Пустота в доме, в душе, в мыслях, пустота в жизни. Именно так Гарри Поттер мог себя охарактеризовать теперь — пустой. Он глухо рассмеялся собственным мыслям и, шатаясь, прошел в комнату. Вот уже третий день после похорон Гарри Поттер беспробудно пил. Возмущенная поведением друга Гермиона - «У тебя же дети, Гарри!», - отправила ребят в школу сама. Поттер был немногословен, никого не впускал и предпочитал сидеть в одиночестве.

Камин рассыпался зелеными брызгами, и народный Герой произнес сквозь зубы и не глядя:

— Пошли вон! Все!

Кто-то чертыхнулся знакомым голосом. Таким знакомым, что скулы свело. От злости.

— Не дождешься, Поттер. Ну и вонища у тебя тут…

Малфой неторопливо прошел до окна, распахнул его настежь и высунулся по пояс.

— Ты что здесь делаешь? — слабо икнул пьяный Поттер, туго соображая.

— В окно смотрю, — нахмурился Малфой и внезапно направил палочку на Гарри, посылая мощнейшее отрезвляющее. Поттера буквально сшибло с ног. Он скорчился на полу и прохрипел:

— Ты… ты… ненавижу!

— Ненавидь. — Малфой подошел и аккуратно толкнул носком идеально вычищенного ботинка поттеровское плечо. Абсолютно трезвый, Гарри подскочил и с размаху въехал непрошенному гостю в челюсть. Малфой посмотрел на него почти обиженно, но промолчал. А Герой развернулся к каминной полке и начал методично скидывать все оттуда, швыряя об стену кубки, дипломы и прочую мелочь, обычно так милую сердцу хозяев.

— Что, Герой, надоела народная слава?

— Прочь!!! — зарычал Гарри и кинулся на него в абсолютной, дикой ярости. Малфой ловко увернулся и умудрился дать Поттеру по лицу.

— Я любил ее! Понимаешь, звереныш?! Любил! — прохрипел Поттер, зажимая разбитый нос.

После чего глухо застонал и прислонился к стене. Часы мирно отстукивали секунды, и в тишине голос Гарри показался чужеродным, ненужным:

— И не уберег, — и Поттер внезапно вцепился в свои почти

седые волосы и завыл. Просто завыл, без слез.

И не понял, как получилось так, что Малфой оказался рядом и сказал:

— Все закончилось, герой. Все.

И Гарри замолчал, слушая тишину и размеренное дыхание рядом. Он летит в пропасть. Забытое, давно ушедшее ощущение. Он летел так однажды и тогда на его пути встал только один человек. Сейчас он снова движется к пропасти и снова на его пути — Драко Малфой. То ли не даст сорваться, то ли толкнет в спину, пожелав приятного полета.

А часы продолжали отсчитывать секунду за секундой. И пусть иногда кажется, что время остановилось. Часы всегда идут. Всегда.

Конец второй части